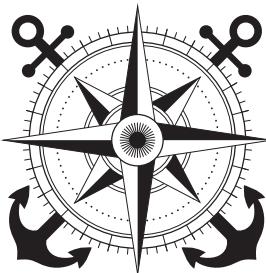

Игорь Чесноков

КОРАБЕЛЬНЫЕ ТАЙНЫ

Киев
“ДІАГНОСТИКА”
християнське видавництво
2021

УДК 274/278

ББК 86.376

Ч51

Чесноков, И.

Ч51 Корабельные тайны : — Заокский : Источник жизни, 2020. — 128 с., илл.

ISBN 978-5-00126-114-8

Что это за деревянная фигура под бушпритом? Можно ли свистеть на корабле? Куда пропадают сухари кочегара? О чём рассказывается в старинной Библии, завёрнутой в парусиновый свёрток? Эти и другие тайны предстоит узнать читателям вместе с юными героями книги, отправляясь в плавание на пароходе «Св. Климентин».

Для детей старше шести лет.

УДК 274/278

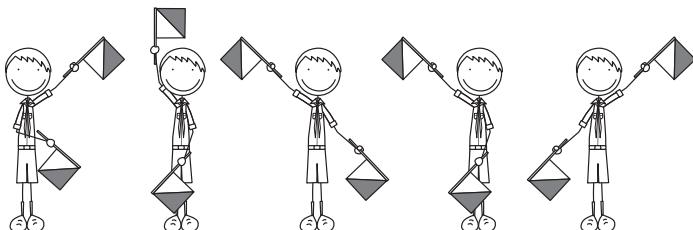
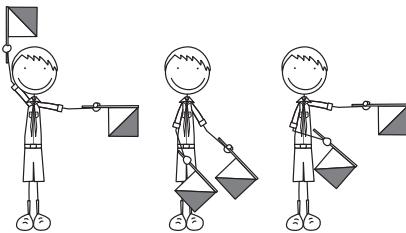
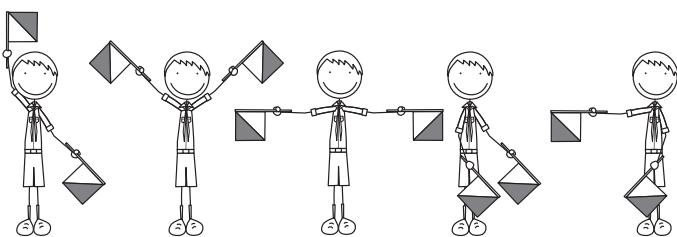
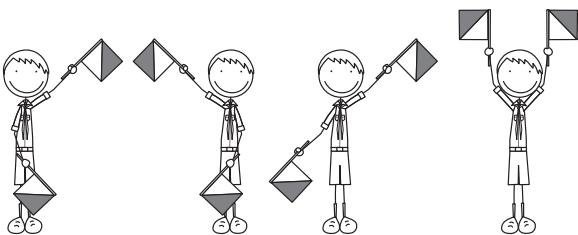
ББК 86.376

ISBN 978-5-00126-114-8

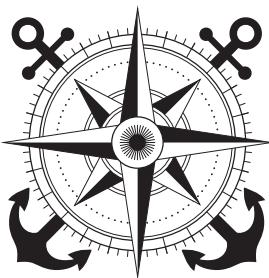
© Издательство «Источник жизни», 2020

Оглавление

Глава 1. Тайком в мечту.....	5
Глава 2. Тащи или умри!.....	13
Глава 3. Тайна для механика	23
Глава 4. Корабельный гид.....	32
Глава 5. Спасатели.....	39
Глава 6. Тайна котельного отделения.....	47
Глава 7. Порох Иакова.....	56
Глава 8. «Св. Климентин».....	65
Глава 9. Кайкулио	71
Глава 10. Делия.....	78
Глава 11. Почему он не тонет?.....	85
Глава 12. Пираты.....	92
Глава 13. Страшно?.....	101
Глава 14. Кораблекрушение	108
Глава 15. Спасение.....	116
Эпилог	120
Справочник юного мореплавателя.....	122

Прочитай фразу с помощью подсказки на с. 124

Глава 1

Тайком в мечту

Красавец пароход с двумя парусными слегка скосенными к корме мачтами и тонкой длинной трубой между ними стоял неподвижно, будто прикреплённый к причалу. На борту в носовой части выписано название: «Св. Климентин». Корабль лениво дымил своей чёрной трубой, скрупулёзно рассеивая дымок вдоль портовых складов.

Это подымливание не давало покоя Леону с самого утра. Дней пять как вошёл корабль в гавань Дилигана, и всё это время не дымил, словно затаил дыхание.

По широким трапам сновали грузчики. Сначала они выносили из носового трюма грузы и исчезали со своими ношами в тёмном проёме приземистого склада. Потом, наоборот, затаскивали тюки, мешки, ящики и закатывали бочки с берега в трюм.

«Задымил — значит, готовится в рейс», — решил Леон, поглядывая на пароход издали, от конторки лоцманской службы. В свои тринадцать лет он был наблюдательным

и рассудительным малым. И тому, что пароходный дымок лишил мальчишку покоя, была своя причина. По этой-то причине он накануне вечером забежал к своему другу Дею узнатъ, не передумал ли тот, и дать последние указания относительно того, что нужно взять с собой...

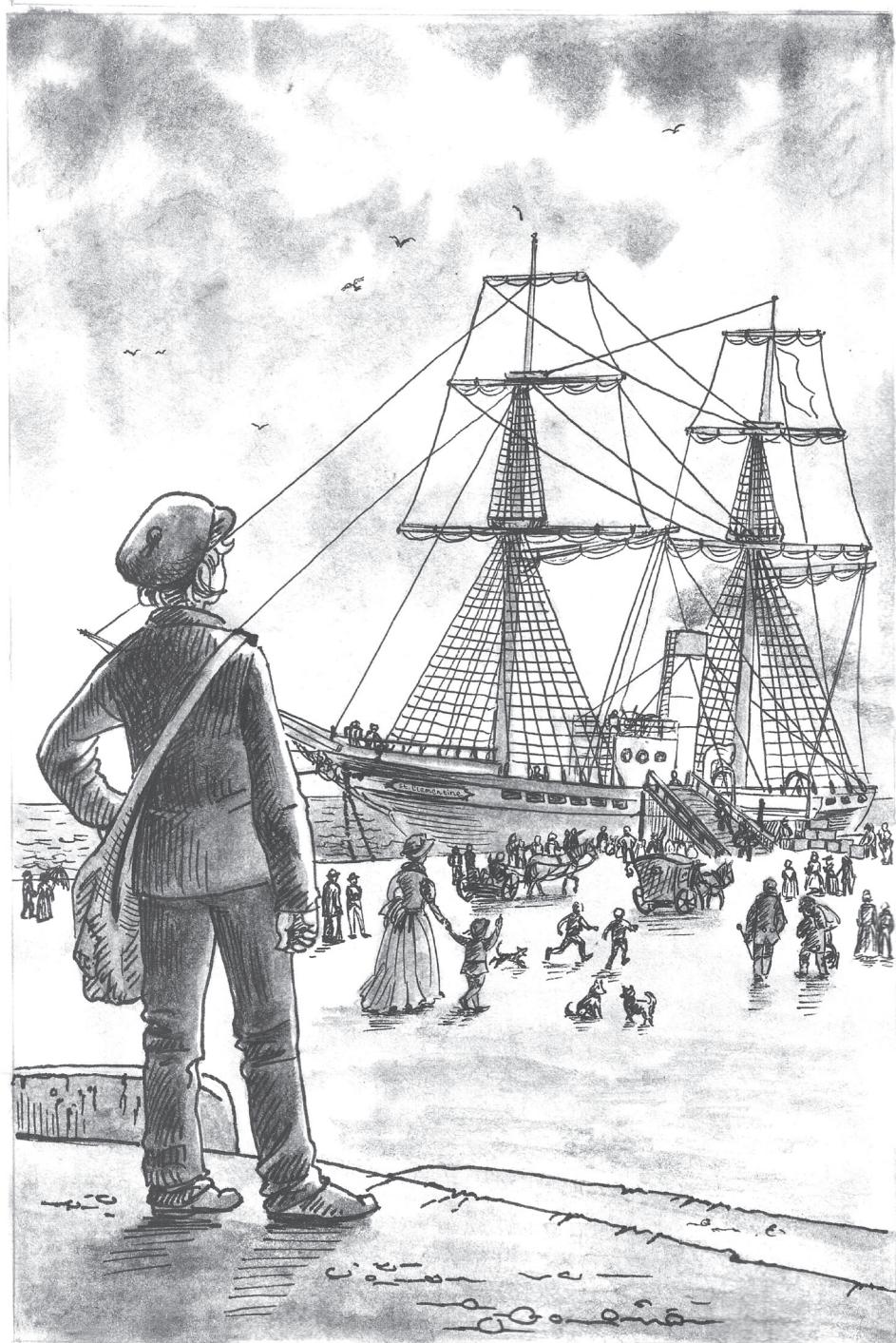
Теперь он нетерпеливо топтался на месте, поглядывая в даль улицы. Со стороны Леон казался обычным городским мальчишкой в поношенных курточке и штанах, в таких же не новых башмаках и в кепи с большим козырьком. Открытое лицо, решительный не по-мальчишески взгляд.

Наконец показался Дей, торопливо шагавший по мостовой. Одет он был приблизительно так же, как и Леон. А его голову венчал синий помятый берет, из-под которого на лоб падала косая чёлка. Подошёл, кивнул вопросительно в сторону парохода. Леон мигнул: «все, мол, в порядке». За спиной Дея виднелась пухлая холщовая сумка, подобная той, что была и у его товарища.

Неторопливой походкой они приблизились к высокой груде тюков, завернули за неё, вытащили из-под рубашек по джутовому мешку, какие свисали с головы на спину у грузчиков. Ребята таким же образом надели мешки на себя, сверху нагрузили по тюку, после чего поспешили, полуприсев под тяжестью груза, к трапу и незаметно влились в вереницу грузчиков. Спустились по другому трапу в трюм, скинули ноши на помост, откуда трюмные хватали тюки и укладывали их. Освободившись от ноши, парни незаметно нырнули в полутьму судового чрева.

Нужно было отдохнуть и убедиться в том, что их не заметили. Леон ощутил слабость в ногах от тяжёлого груза. Давала о себе знать и предательская дрожь в груди, куда невольно закрался незваный страх. Дей тоже настороженно оглядывался, тяжело дыша. Теперь нужно было спрятаться.

Леон помнил, что где-то в носовой части первого трюма должна быть дверь в канатный ящик. О ней узнал от

отца, матроса парусника «Сириус», когда побывал однажды у него на корабле. А попал он на «Сириус» после долгих просьб и уговоров. Отец с подозрением относился к желанию сына познакомиться с судном. Он не хотел, чтобы Леон тоже стал моряком. И вообще не желал никому такой трудной и неблагодарной доли, какой, по его словам, хлебнул сам, связавшись с кораблями, парусами, штормами, скитаниями по морям в тяжких матросских трудах. Но однажды он всё же уступил упорству сына и сводил его на свою «посудину», когда «Сириус» зашёл в их порт.

Наконец ребята нашупали ручку тяжёлой двери. Она, к их радости, оказалась незапертой. Проникнув за неё, они оказались в ещё более тёмном месте — в каком-то тесном закутке — и затаились там.

А нам впору поразмышлять о том, что же заставило Леона столь хитрым путём проникнуть на пароход-парусник, который вот-вот должен был покинуть Дилиган и выйти в море. Когда Леон ходил по судну отца и всматривался восторженным взглядом во всё, что было на нём, его очень заинтересовала в носовой части под бушпритом фигура, вырезанная из дерева. Дева почти на полтуловища как бы вырастала из корпуса корабля, устремляясь вперёд.

На расспросы о фигуре отец ответил, что это, мол, хранительница судна. Хотя кто она такая, точно не знает. И что вообще-то для моряков она является тайной, поскольку неизвестно было, кто и когда придумал эти фигуры для кораблей. Да никого особо это и не интересовало.

Отец добавил, что на старых парусниках бывает немало таинственного и загадочного, но матросы на такое не обращают внимания.

И когда в порту встал к причалу пароход-парусник, на его форштевне Леон увидел тоже резную человеческую фигуру в полтуловища. Спросил о ней у проходившего мимо матроса, но тот лишь пожал плечами. Леону стало любопытно,

что это за фигура и почему её поместили там, впереди корабля? Вообще он был любознательным, и это отражалось даже на его облике. На лице Леона часто появлялось вопросительное выражение.

И вот возникло навязчивое желание побывать на этом чудо-корабле с парусами и дымной трубой. В тот же миг его ужалила шальная мысль: а не уплыть ли на нём в море, чтобы самому увидеть, каково оно и отчего отец не желает, чтобы он, Леон, стал моряком? А заодно попробовать прознать про тайны, какие скрывает каждый корабль.

Так созрел секретный план. Его друг, простоватый Дей, с азартом согласился примкнуть к Леону и вместе ринуться в это приключение. Ведь не в морском ли городе они живут, и разве не выросли уже оба из коротких детских штанишек?!

Вот почему оказались Леон и Дей в тёмном неуютном канатном ящике рядом с тяжёлой грудой якорных цепей, которые тускло поблескивали в скромном свете, сочившемся сверху из цепных клюзов-отверстий.

Ребята тихонько сидели в своём укрытии, поражённые своим дерзким проникновением на неведомый пароход. Оставалось дождаться его выхода в море. И тогда для них должна будет начаться новая, совсем другая, неизведанная жизнь, и наверняка полная приключений!

Какова она, жизнь моряков в море? Леону очень хотелось это узнать, чтобы понять, почему отец жаловался на свою работу, но и не желал бросать её.

Друзья сидели молча. Да и о чём могли они говорить теперь, находясь в неведении о том, что будет, когда их обнаружат. Мальчики уже истомились в своём тревожном ожидании, но вдруг звуки погрузки утихли. А спустя ещё некоторое время застучало над головами, и к ним в канатный ящик с тяжёлым звяканьем повалилась сверху якорная цепь.

— Отходим! — радостно прошептал Леон. Он знал: судно теперь подтягивается к брошенному в стороне от причала якорю, чтобы оторваться от берега и начать движение. Такое он не однажды наблюдал в порту.

Наконец вздрогнул корпус корабля, и ребята ощутили его плавное биение. Заработала паровая машина, догадались они.

Ныло от долгой неподвижности всё тело, но друзья продолжали сидеть в полутьме. Во-первых, не верилось своему счастью: они отплывают из порта! А во-вторых, нельзя было обнаруживать себя, прежде чем на свой бот сойдёт с корабля лоцман, который всегда выводит суда из гавани. Ведь если обнаружат «зайцев» до этого момента, то сразу ссадят на лоцманский бот и вернут на берег. Притом наверняка с очень нелестными выражениями от капитана, а возможно, ещё и с крепкими матросскими тумаками.

Неожиданный собачий лай за дверью заставил ребят вздрогнуть. Послышалось царапанье в дверь. Друзья оцепенели: они обнаружены!

Дверь распахнулась, и большой чёрно-белый ёс с лаем набросился на незнакомцев. Затем появился свет от керосинового фонаря, а вместе с ним — физиономия долговязого мальчишки. Он удивлённо разглядывал безбилетных «пассажиров». Паренёк был приблизительно одного с ними возраста. Ребята сразу отметили, что по виду и щеголеватой одежде он не похож на обычных уличных мальчишек. Одет он был в красивую полосатую, как у матросов, рубашку, в штанишки, схваченные чуть ниже колен пуговками, в гетры, на ногах — башмачки с пряжками, на голове была белая кепка с помпоном.

Придя в себя, мальчишка цыкнул на собаку, оттащил её за ошейник и злорадно произнёс ломающимся баском:

— Ага, «зайцы»! А ну вылезайте, пойдёте со мной к отцу!

— К кому? — пролепетал Леон, не зная, что ещё сказать в минуту разочарования из-за крушения его надежд.

— К отцу. Мой отец — капитан! — заносчиво заявил мальчишка. — Вот похвалит-то он меня и Дюка! — Паренёк кивнул в сторону пса, который в тот момент помалкивал и лишь настороженно наблюдал за чужаками.

— А может, не надо? — несмело подал голос Дей.

— Что?! — возмущённо воскликнул капитанский сынок. — Вам захотелось покататься на нашем океанском корабле и вы хотите, чтобы я закрыл на это глаза? А ну выходите! — задиристо потребовал он. — Пойдёмте со мной! Вас ещё успеют высадить с лоцманом.

— Мы здесь не покататься, — поддержал Леон своего товарища, — мы — за тайной этого корабля.

— Че-го-о? — недоверчиво прищурился паренёк с фонарём. — За какой ещё тайной?

— Понимаешь, — оживился Леон, — у каждого корабля есть свои тайны. И этот пароход тоже их имеет. Вот мы и решили узнать о них и рассказать потом другим. Ты-то сам знаешь тайны корабля твоего отца?

— Не-ет, — с недоумением признался паренёк.

— Вот! — воскликнул Дей. — А могли бы вместе с тобой раскрыть их. Разве не интересно?

Сын капитана растерянно заморгал. Потом он долго всматривался в «зайцев» — то в одного, то в другого, пытаясь, видно, определить, не разыгрывают ли они его.

— А какие тайны могут быть у нашего корабля? — неуверенно промолвил он, продолжая недоверчиво разглядывать ребят.

— Ну, например, носовая фигура, — подсказал Леон, и в голосе его послышалась нотка надежды. — Что это? И почему размещена на этом корабле?

— Или взять к-клотики на мачтах, — подхватил Дей. Нередко он заикался, словно его слова натыкались на неведомую преграду. — П-почему клотики такие и что в них укрыто?

— А название парохода, — напирал Леон. — О ком оно говорит? И что означает?

Капитанский отпрыск уже задумчиво поглядывал на «зайцев».

— Ин-те-ре-сно, — протянул он наконец, и в его глазах блеснули живые огоньки. — А ведь и вправду мы можем вместе искать и раскрывать! — пробормотал он неожиданно для ребят да, видимо, и для себя самого.

— Вот именно! — уверенно подхватил Леон.

Сын капитана подумал ещё немного, озадаченно наморщив лоб. Было видно, что он колебался.

— Ну что ж, — наконец решился он, — тогда я, пожалуй, не выдам вас, пока не выйдем в открытое море.

— У-у-у, здорово! — восхитился Леон. — Ты, оказывается, настоящий следопыт и хороший друг. Я — Леон, это — Дей, а тебя как зовут?

— Дениз.

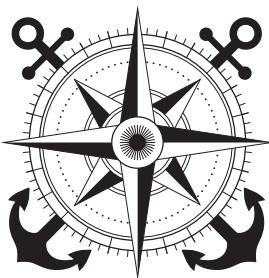
Друзья обменялись с Денизом рукопожатиями. Это было одновременно и знакомство, и как бы уговор о начале совместного «дела».

— А знаете что? — сын капитана лукаво прищурился. — Давайте назовёмся, ну, скажем, «Обществом корабельных тайн», а?

Ребята согласно кивнули. В их глазах вспыхнули восторженные искорки.

— В общем, ждите! — велел Дениз и, свистнув собаке, исчез так же внезапно, как и появился.

Глава 2

Тащи или умри!

Леон с ожесточением возил по доскам палубы тяжеленной корабельной шваброй. Он то и дело топил в ведре с водой её длинные космы из распущенных верёвок.

Лицо парня отражало невыразимую муку. «Св. Климентин», идя под парусами, раскачивался на волнах, и эта качка вызывала рвотные приступы. Время от времени Леон вынужден был бросить своё орудие труда, чтобы опрометью кинуться к борту и, склонившись над шипевшей пеной морской водой, снова и снова «метать харчи». А вода за бортом шумела не умолкая, то и дело всплескивая гребни волн. Сверху слышалось похлопывание парусного полотнища. Прохладный ветер забирался за ворот куртки. Кричали чайки, сопровождавшие корабль, и Леону казалось, что они издевались над ним.

Нередко тяжёлая швабра сама устремлялась вслед за креном судна, увлекая за собой и Леона. И тогда он смешно скакал, стараясь удержать её. А порой ведро начинало

скользить по наклонившейся палубе. Леон бросался к нему, пытаясь остановить его и не дать расплескаться воде. Иначе пришлось бы снова зачерпывать воду за бортом, да ещё и вдвоём с Деем. Ведь это тоже было мучительно трудное занятие. Требовалось навить кольцами привязанный к ведру конец верёвки и крепко держать его одной рукой. А другой рукой, склонившись за борт, закинуть тяжёлое ведро в море вперёд по ходу судна. Да так ловко, чтобы оно плюхнулось кверху дном. Развеявшийся вслед за ведром конец нужно было сразу резко потянуть, чтобы зачерпнулось полное ведро, а потом быстро тащить наверх, пока его не унесло струившейся вдоль борта водой и, чего доброго, не вырвало из рук.

Такому искусству Леона и Дея терпеливо обучал боцман, показывая, как это делается. А когда вручил ведро, чтобы каждый самостоятельно попробовал, то конец предусмотрительно привязал к кольцу на планшире — бортовом брусе. Это оказалось не лишним: ни Леону, ни его другу никак не удавалось зачерпнуть воду на ходу. Ведро, конечно, упускали, и тогда приходилось боцману с крепкими сло-вечками самому вытаскивать его. В конце концов он велел юнгам «ловить» воду за бортом вдвоём до тех пор, пока не научатся.

Поэтому Леон и спешил всякий раз за ускользавшим по палубе ведром, чтобы не приходилось звать Дея, который швабрил палубу на другом борту. Ребята выполняли эту матросскую работу, не будучи матросами. Но и «зайцами» они уже не были.

Из канатного ящика капитанский сынок вызволил их, не мало уже измученных ожиданием. Освещая путь фонарём, он провёл друзей по трюмному лабиринту между прочно закреплёнными бочками, ящиками и тюками к трапу, который вывел их наверх, в коридор надстройки. Там приостановились.

— Сейчас идём к отцу, — сообщил Дениз, и «зайцев» охватила робость.

— Вы не дрейфьте, — постарался успокоить их Дениз. — Отец, конечно, ужасно рассердился, когда узнал про вас, даже стал кричать. Я сказал ему, что мы с Дюком случайно нашли вас. Дюк, говорю, что-то забеспокоился, потянул меня к носовому трюму. Мы спустились, пёс привёл меня к канатному ящику и начал лаять на дверь. В общем, отец пошумел, а потом решил созвать своих помощников. Сейчас придём — будут решать, как быть. Но от берега мы уже далеко ушли, — заговорщически подмигнул Дениз.

Дрейфить:
на морском
жаргоне
«трусить».

Вслед за ним ребята шагнули в каюту капитана и остановились, виновато опустив головы.

— Кто такие? Чьи? Почему здесь? — услышали они строгий, недовольный голос. Он должен был принадлежать, конечно же, капитану. Подняв глаза, ребята увидели худощавого мужчину, лет сорока, лысоватого, с пышными тёмными бакенбардами и в форменной тужурке. Он сидел за дубовым столом и хмуро глядел на «зайцев». Ещё четверо примостились на стульях кто где. Дениз остановился за их спинами.

— Я — Леон, а это — мой друг Дей. Мы из этого города. Мой отец — матрос на «Сириусе», у Дея пapa работает на почте. Мы всю жизнь мечтаем о море, и вот... — проговорил Леон тихим голосом, понурившись.

— Всю жизнь мечтаем! — едко отозвался капитан. — А лет-то сколько этой вашей жизни?

— Нам по тринадцать, — ответил Дей за двоих.

— И куда же вы собирались в свои тринадцать?

— Мы... Нам всё равно, — промямлил Леон. — Лишь бы в плавание.

— В пла-авание! — издевательски передразнил капитан, явно раздражённый. — Отчего же не пришли ко мне и не попросились в плавание, а тайком пробрались?

Друзья молчали.

— Я просился у отца в море, — вымолвил Леон. — А он сказал, что мал ещё и чтоб вообще не думал об этом. Хватит, мол, в семье того, что он, отец, скитается по морям ради хоть какого-то заработка.

— А что же ты не послушался родителя, разве это по-христиански? — строго спросил капитан. — В церковь-то ходите?

— Да, — кивнул Леон.

— Не всегда, — признался Дей.

— Выходит, собрались в плавание, не спросив ни у родителей, ни у капитана. И дома ведь вас ищут!

— Я велел сестре, чтобы она вечером сказала матери, где я и что вернусь скоро, — промямлил Леон.

— Я тоже оставил за-записку, — пробормотал Дей, заикаясь от волнения.

— А пропитание взяли с собой? На сколько недель пла-вания запаслись? — осведомился капитан.

— Не взяли, — понял он по молчанию ребят. — Значит, решили и покататься по морю бесплатно, и покормиться так же — за чужой счёт. А вы хоть понимаете, что совершили не просто безрассудный поступок, а настоящее преступление?

Ребята, всё так же потупившись, безмолвствовали.

Капитан обернулся к помощникам:

— Что прикажете делать, господа, с этими беглецами, нелегальными пассажирами, а точнее даже сказать, с преступниками?

Отозвался человек в робе, он мял в руках клок замасленной ветоши. Похоже было — механик. Его слова прогремели для ребят как раскат грома:

— Да выкинуть их за борт, и дело с концом. Как будто и не было ничего и никого! — бесстрастным голосом произнёс механик.

Друзья ошеломлённо вытаращили глаза: он это серьёзно? Остальные помощники промолчали.

— Все согласны с этим? — капитан обвёл своих людей взглядом, и в глазах его можно было заметить смешливую искорку.

Друзья растерянно взглянули на Дениза, но тот хранил загадочный вид.

— А что ты скажешь, боцман? — продолжал капитан.

Боцман заёрзal. Он был рослый, усы и борода на всём лице, тяжёлый взгляд из-под нависших бровей, на голове — давно не чёсаные волосы неопределённого цвета. В руках он держал шляпу. Было что-то медвежье в его сутуловатой большой фигуре. А ещё у него был выдающийся нос, который спелой грушей нависал над усами.

— Плавать-то умеете? — неприязненно пробасил боцман. — Берег далеко.

Невольный ужас отразился в глазах мальчишек.

— Нет, не доплыть этим малькам до берега, — убеждённо сказал боцман, — утопнут.

Он помолчал немного, скорбно покачал головой, словно уже хоронил парней.

Фордевинд:
ветер сзади.

— Хотя... — боцман оценивающе оглядел обоих, — может, не стоит нам терять эту какую-никакую рабочую силу, капитан? Можете отдать их мне. Будут юngами. До первого порта. А там решите, что с ними делать, то ли прогнать, то ли сдать полиции.

...Словом, оказались «зайцы» дополнительной рабочей силой. При этом боцману Финбару предстояла нелёгкая задача: сделать юнцов моряками.

Разместили юнг в жилом трюме с матросами, выдали им по тюфяку, подушке и тонкому одеялу. И стали ребята с раннего утра выходить на палубные работы. С одной стороны, пришло успокоение, а с другой — не оставляла и непонятная тревога: что станет с ними в первом же порту?..

— К повороту фордеви-инд! — послышался громкий голос вахтенного штурмана с ходового мостика, что располагался впереди дымовой трубы. Разнеслись трели боцманской дудки, затопали десятки башмаков.

— Пошли, пошли! — горланил Финбар. — Шевелись, дохлые медузы!

Матrosы — бородатые здоровяки в головных повязках и в шапочках — бегом занимали места у снастей, блоков. По команде пошли на поворот реи с парусами, ослабели острожные кливера перед фок-мачтой, завертели штурвал два рулевых, — корабль стал ложиться на другой галс. Это чтобы на встречном ветре, которым сменился вчерашний попутный, не сойти с генерального курса.

Всё это юнги узнают позднее. Но не от боцмана. Впрочем, Дениз поведал уже друзьям о том, что самый суровый на судне человек — не боцман, а старший помощник капитана. Но он заболел, остался на берегу. Другого найти не удалось, и пошли в море без старпома. Его обязанности принял штурман. Вахты на мостике стали нести попеременно капитан, штурман и два самых смывшлённых матроса-впередсмотрящих. Один из них время от времени поднимался на мачту.

Чтобы не мешать, друзья отступили к корме, закатывая глаза от подступавшей тошноты.

После поворота боцман подошёл к юнгам, с ухмылкой поглядывая на их страдальческие физиономии, и встал, широко расставив ноги, на неверной палубе.

Кливер:
треугольный
парус.

— Ну что, салаги, не нравится вам море? — гаркнул морской волк, поправляя завязки своей диковинной шляпы с полуоборванными полями. Он сделал её такой, чтобы ветер не срывал с головы. — Небось, пожалели уже, что сбежали из дома, триста шквалов вам за ворот!

— Не-е, — в один голос протянули друзья.

.....

Галс:
*курс судна
относительно
ветра.*

.....

.....

— Тогда приучайтесь к морю. И к морской жизни. Пока вы на корабле, должны подчиняться морским правилам. Они вывешены в коридоре надстройки и в вашем трюме. Выучите их и исполняйте. За нарушение буду строго наказывать! — сурово пригрозил Финбар.

Он оценивающе взглянул на разгулявшиеся волны, потрогал свой нос, словно хотел убедиться, что тот на месте, и добавил, кивнув на море: — Такое будет часто. Так что жить, мальки, будете теперь враскачуку. А сейчас уберите вёдра со швабрами и вернитесь. Да живо, акульи дети!

Когда ребята вернулись, боцман ткнул пальцем в грудь Дея:

— Ты — вынимай из гнезда анкерок, вон там у мачты...

— Что вы-вынимать? — не понял Дей.

— Бочонок с питьевой водой, — недовольным тоном пояснил Финбар. — И бегом неси его к брашпилю. А ты, — он повернулся к Леону, — хватай вон ту бухту и тащи её бегом туда же.

— Бухту? — в свою очередь переспросил Леон.

— Да, эту скрутку каната.

Бухта оказалась тяжеленной. Леон с трудом взвалил её на плечо и как можно скорее потащил, кряхтя. Но быстро не получалось. Подгибались ноги от тяжести и от тошнотворной слабости. Он не испытывал прежде такой противной

некончаемой качки. И более всего хотелось оказаться на твёрдой земле.

Ответив, что не пожалели, оказавшись на корабле, ребята слукавили, не желая выказать свою слабость, непригодность. Признайся они, что пожалели, и вся команда будет издевательски насмехаться над незадачливыми беглецами-мореманами. А потому, скав зубы, Леон тащил, едва удерживаясь на зыбкой палубе, свой груз с желанием поскорее сбросить его у брашпilha. Не отступала и тошнота. С утра они с Деем ничего не ели: от одной мысли о еде уже становилось худо.

К брашпилю Леон доплёлся, ощущая потемнение в глазах. С облегчением скинул бухту рядом с анкерком приятеля. Оба не понимали, для чего нужны эти канат и бочонок здесь, в пустой носовой части судна.

Леон переводя дух опёрся о зачехлённый брашпиль. Но спустя минуту услышал грубый голос Финбара:

— Эй, мальки! К чему здесь то, что вы приволокли?

Ребята в недоумении уставились на боцмана.

— А ну-ка взяли и отнесли на место, салаги!

Это прозвучало издевательски. Леону захотелось умереть — можно ли вынести такое!

Но и умолять о пощаде, признаваясь в слабости, совсем не хотелось. Друзья обречённо взвалили на себя свой груз и побрали назад, покачиваясь от тяжести и стараясь не глядеть за борт на беспокойные пенные волны.

На корме Леон сбросил бухту и обессиленно опустился на неё. Рядом стукнул о палубу анкерок Дея. Едва отдышавшись, Леон собрался отправиться к себе в трюм, решив, что всё уже позади. Но, подняв глаза, он обомлел. Перед юн-

Брашпиль:
палубный
механизм
с двигателем
для спуска
и подъёма
якоря.

гами нависала медвежья фигура Финбара, стоявшего так же — с широко расставленными ногами.

— Тяжело? — почти участливо пророкотал мучитель. — Это чтобы вы знали: на море легко не бывает! А для полного усвоения этого что вам сейчас нужно?

Ребята затравленно глядели на своего истязателя.

— Нужно снова отнести всё это к брашпилю, ленивые тюлени! А потом вернуть сюда, на свои места, — жёстко и неумолимо произнёс боцман и тем самым вверг страдальцев в полное отчаяние.

— А после этого на сегодня всё! — великодушно пообещал Финбар.

«Если самым суровым здесь был старпом, то, выходит, боцман — добродушный котёнок по сравнению с ним?» — тоскливо подумал Леон.

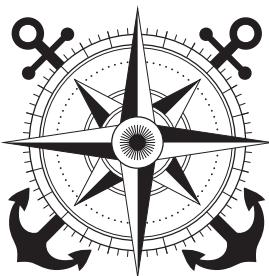
А когда он, вконец измощдённый и измочаленный, едва перебирая ногами, тащился с тяжеленной бухтой назад и считал последние шаги до окончания своих немыслимых мук, едва не падая, то неожиданно поймал себя на том, что забыл о качке и что она уже не беспокоила его в этом напряжённом состоянии. Отошла куда-то и тошнота, осталась одна лишь смертельная усталость. А ещё он ощутил неожиданное желание поесть.

Оказавшись на корме, ребята несмело огляделись, но боцманской диковинной шляпы нигде не было видно.

Стоя на подкашивающихся от усталости ногах, Леон обнял друга и, еле шевеля губами, удивлённо произнёс:

— Дейка, а ведь он приучил нас сегодня к морю!

Глава 3

Тайна для механика

Юнги нашвабривают палубу и с завистью поглядывают на ходовой мостик. Там Дениз накручивает штурвал вместе с матросом-рулевым. Одному рулевое колесо парусника поворачивать тяжело. Рядом с ним сидит верный пёс Дюк.

Вахтенный помощник Филикс, высокий, худощавый, в белом кителе, неспешно вышагивает по мостику. Он изредка поглядывает то на компас возле штурвала, то вперёд, поднося к глазам бинокль. А порой, задрав голову, окидывает взглядом паруса — все ли они полны ветра?

Второй рулевой матрос стоит в сторонке, облокотившись о поручни: сын капитана решил порулить. Отец позволяет ему это. Дениз уже успел похвастаться ребятам, что умеет держать судно на курсе.

Иногда в конце рабочего дня друзья втроём встречались в закутке коридора надстройки. Качка уже не беспокоила Леона и Дея. Ребята решили, что пора бы заняться тайнами корабля. Ведь так много здесь неведомого! Первая загад-

ка — как может корабль, когда у него идёт дым из трубы, плыть без парусов на какой-то машине?

Дениз тоже не знал, как именно работает машина.

— Пусть нам расскажет её хозяин, механик Нейтон, — предложил сын капитана.

И они решили навестить механика. Дениз договорился с ним о встрече.

Пробили склянки. Дениз вернул штурвал второму рулевому, спустился к ребятам на палубу.

.....

— Жду вас там, где всегда, — напомнил он. — А пока отведу Дюка в каюту, чтобы не мешал.

Переодевшись и умывшись, юngи поспешили к надстройке. И вот они втроём уже в каюте механика.

— Вы, оказывается, ребята не только бесстрашные, но и любознательные, — приветствовал их Нейтон.

Это был немолодой, лет за сорок, человек с седоватой шевелюрой, прикрытой чёрным беретом. Лицо безусое, с короткой бородкой, умные глаза.

— Дениз рассказал мне о вашем интересе.

Приветливость Нейтона сбила ребят с толку. Они ожидали увидеть грозного механика с недовольным, а то и сердитым лицом, ведь это он предлагал выкинуть их за борт. Но жажда увидеть таинственную паровую машину и узнать, как она работает, переборола. Радушная же встреча и во все ободрила юных моряков.

Механик надел нитяные перчатки, зажёг фонарь и повёл ребят закоулками трапов вниз, в тёплую темноту, пахнущую машинным маслом.

— Перед вами котёл, — указал он на огромную круглую железную стенку с тремя массивными металлическими дверцами снизу, с какими-то трубами, круглыми цифербла-

Ходовой
мостик:
место
управления
судном.

тами со стрелками под стеклом, с рассыпанным повсюду мелким углём, хрустевшим под ногами.

— Котёл топится каменным углём. Это вроде большой железной печи с тремя топками. Сильный огонь в топках нагревает воду. Она испаряется, пар скапливается и под давлением поступает в паровую машину.

Ребята с любопытством разглядывали котёл, металлические решётки над головой вместо потолка, сплетения труб.

— Здесь, в котельном отделении, сейчас пусто, топки погашены, духи работают пока в подчинении боцмана.

— Кто? — не понял Дей.

— У кочегаров на пароходах прозвище «духи», — пояснил механик.

Через узкий проём с металлической дверцей Нейтон провёл ребят в соседнее корабельное подземелье — машинное отделение, царство железа. Оно поразило обилием разных массивных механизмов. И так же, как в котельном, над головами виднелись сплошь трубопроводы и решётки.

— Главное в машине — цилиндры, — объяснял mechanик. — Они вон там, а внутри них поршни — вроде стальных бочонков. Сжатый пар с силой давит на поршни, они скользят в цилиндрах вверх-вниз, приводят в движение коленчатый вал. А тот вращает гребной вал с большим гребным винтом на конце, в воде. Винт отталкивается вместе с судном от воды и таким образом даёт ход кораблю. Вот и весь секрет.

— Ух ты, — восхитился Дей, — здорово придумано! А почему же мы сейчас плывём под п-парусами?

— Не плывём, а идём, — поправил назидательно Дениз.

— Как это? — не понял Дей.

Склечки:
отбиваляемые
в судовой
колокол
сигналы.

— Моряки любят говорить, что плавают щепки и разный там мусор, — пришёл на помошь Денизу механик Нейтон, — а корабли, мол, ходят. Если на берегу люди говорят: «Корабль отправился в плавание», то моряк скажет: «Пошёл в море».

— Да, я вспомнил! — вступил в разговор Леон. — Отец, когда прощается, всегда говорит «уходим в море».

— Но не зазорно говорить и «в плавание», — добавил механик. — Это слово никто не отменял. — Он обернулся к Дею: — Ты спросил, почему мы сейчас под парусами...

— Да. Почему?

— Знаешь ли, сколько угля сжигается на полном ходу работы нашей машины? — задал вопрос Нейтон и сам же ответил на него: — Десять тонн в сутки. А помещается угля в трюме-бункере двести тонн. На сколько суток хода его хватит?

— На двадцать, — быстро прикинул Леон.

— Верно. Нам до порта назначения больше двадцати дней ходу. А там угля взять будет негде, кругом джунгли. Значит, останемся без пара и без помощи машины.

— Мне отец объяснил, что машина на корабле нужна для входа в гавань и выхода из неё, — подхватил Дениз. — Ну и когда полный штиль на море, и паруса висят, как пелёнки на верёвке.

Дей прыснул при этом сравнении.

— А вообще-то мой отец не очень доверяет машине, — вздохнул Дениз с сожалением. — Говорит, паруса надёжнее и даже сильнее.

Выбравшись наверх, ребята задержались в коридоре надстройки.

— Когда-нибудь изобретут машину сильнее паруса, — убеждённо проговорил механик, завершая объяснения. — Ну что, зайцы, всё поняли или есть вопросы?

— Поняли, — отвечал Леон, — но хотелось бы спросить... — он немножко замялся, — у вас там, внизу, где котёл

и машина, есть какая-нибудь тайна? Мы слышали, что на кораблях бывают разные тайны...

— Тайны? — удивлённо переспросил Нейтон. Он подумал немножко. — Что ж, скажу вам. Для меня, даже для инженера, тайна в том, откуда у испарившейся воды, у пара, такая мощная сила, которая может даже двигать корабль.

— А что, никто не знает, что это за сила? — удивился Дей.

— Объясняют, что законы физики, мол, действуют, — уклончиво ответил механик. — Эти законы не давали покоя многим изобретателям с давних-давних времён. Над созданием паровой машины думали больше ста лет. Если вам это интересно, могу вкратце рассказать...

— Конечно интересно, — проговорил Леон.

— Ну что ж, зайдём ко мне, продолжим беседу.

В каюте он усадил ребят на узкий диванчик, сам уселся на свой стул у небольшого столика. За иллюминатором было уже сумеречно, и хозяин каюты зажёг фитиль в керосиновой лампе, висевшей над столиком. Стало уютнее и вроде даже теплее.

— Так вот, считается, что первую «пароатмосферную» машину в начале восемнадцатого столетия изобрёл Папен в Германии. Он собирался установить её на большую лодку, но не получилось. Зато такую лодку — «Пироскаф» — с паровым двигателем увидели несколько десятков лет спустя парижане. «Пироскаф» четверть часа шёл по реке против течения и вызвал удивление зрителей. Чуть позже небольшие паровые суда появились на реках в Америке и в Европе — в России, Франции, Германии. Но паровые машины на них были маломощные, несовершенные. А такую, которая могла стать пригодной для морских судов, изобрёл шотландец Джеймс Уатт. Ещё раньше разработал паровую машину русский изобретатель Иван Ползунов. Она стала работать на заводах. А первым в морское плавание вышел где-то полве-

ка назад пароход «Марджери». Ещё через три года первым пересёк Атлантический океан пароход-парусник «Саванна».

— Вроде нашего «Климентина»? — уточнил Дей.

— Да, только на нём было три мачты и двигался он с помощью гребных колёс по бортам. Интересно и железное, первое в истории огромное паровое судно.

— А чем оно интересно? — полюбопытствовал Леон.

— Это «Грейт Истерн» — гигантский пароход длиной больше двухсот метров с тремя паровыми машинами, с гребными колёсами. Он мог перевозить через Атлантику четыреста пассажиров и шесть тысяч тонн груза. У него было шесть мачт с парусами.

— Ого! — восхитился Дениз. — Какая же у него была команда?

— Более четырёхсот человек. Но интересен он для истории тем, что с самой постройки его преследовали неудачи. Он едва не перевернулся при спуске на воду. В первом же плавании взорвался один паровой котёл, и при этом погибли десять кочегаров. А в первом рейсе через Атлантику упал за борт и утонул его капитан. Во втором таком плавании пароход налетел на скалу у американского побережья. Его отремонтировали. А в третьем плавании «Грейт Истерн» попал в сильный шторм и чуть не затонул. Волнами повредило гребные колёса и рулевое устройство, так что несколько дней судно носило по волнам. И дальше с ним приключались аварии, поэтому его владельцы разорились и продали свой пароход. Его стали использовать для прокладки телеграфного кабеля по дну океана. Потом переоборудовали под отель, а в конце концов разрезали на металломолом.

— Да, любопытно, — протянул Дей. — А откуда вы всё это знаете?

— Интересуюсь историей своей профессии. В ней есть много поучительного. Есть ли у вас ещё вопросы?

— Ещё один вопрос, — смущённо начал Леон. — А почему вы предлагали выкинуть нас за борт?

— О, вы восприняли это всерьёз? — удивился Нейтон. — Мы, моряки, любим шутить. Это скрашивает наши однообразные дни в море.

— А мы и не п-поверили, — сказал Дей, — но всё равно как-то с-страшновато стало тогда.

— Понимаю, — кивнул механик. — Ваш испуг был бы оправдан, если б это происходило несколько веков назад.

— Почему? — спросил Дениз.

— В древности мореходы были суеверными и считали, что стихии подчиняются языческим богам. Поэтому, когда кораблю угрожала опасность погибнуть в шторм или оказаться выкинутым на подводные камни, бога требовалось умилостивить жертвой.

— Человеческой? — округлил глаза Леон.

— Да. Бросали жребий, и на кого в команде он выпадал, того выбрасывали за борт.

Ребята притихли.

— Это с-снова шутка? — недоверчиво спросил Дей.

— Нет, на этот раз не шутка.

— О! Я вспомнил! — воскликнул Леон, оживившись. — Иона!

— Кто это? — подал голос Дениз.

— Разве не знаешь? Это пророк. Его тоже выкинули с корабля в сильный шторм, чтобы ветер утих.

— И что — утих? — недоверчиво поинтересовался Дениз.

— Да, сразу утих. А самого Иона проглотила большая рыба. Но потом выпустила его возле берега, и он спасся.

— Сказки! — фыркнул сын капитана.

— Какие сказки! — возмутился Леон. — Об этом в Библии написано.

— А она и есть сказка, — усмехнулся Дениз.

— Фома ты неверующий! — обиделся Леон.

— Ладно, не будем ссориться, — примирительно проговорил механик. — Я тоже слышал об этой истории. А было ли такое на самом деле, кто знает? Я хочу добавить, что позднее перестали приносить человеческие жертвы морю, а стали бросать за борт животных — коз, свиней... Их возили с собой, чтобы в долгих плаваниях использовать на мясо...

— И выбрасывать за б-борт, — хихикнул Дей.

— Кстати, мне рассказывали старые моряки, — продолжал механик, — что ещё лет полсотни назад в сильный шторм они видели, как капитан выбросил в море судовую собаку в качестве жертвы.

— А сейчас? — насторожился Дениз. — Неужели могут выкинуть моего Дюка, если начнётся сильный шторм?

— Не думаю, — улыбнулся Нейтон. — И уж тем более не выкинут никого из вас, юнги, вы уж не обессудьте за ту мою злую шутку.

— Успокоили, — удовлетворённо отметил Дей. — А можно ещё спросить? Почему вы согласились п-принять нас, показать всё и рассказать? Ведь кто мы такие?

Нейтон помолчал немного, с интересом поглядел на Дея.

— Что ж, скажу. У меня два сына. Они немного старше вас. Но верите ли — ни один из них ни разу не побывал у меня на судне!

— Почему? — удивлённо спросил Леон.

— Им неинтересно, — в голосе механика послышалась нотка огорчения. — А тут смотрю — такие же ребята, но так горят интересом к морю, кораблям, что даже решились на этот безрассудный, но и бесстрашный, конечно, поступок: не только тайком пробраться на корабль, а и выйти в море, в дальнее плавание!

— Да, — согласился Дениз, — я тоже очень удивился.

— Вы хоть знали, куда пойдёт наше судно, когда решились на такое? — спросил Нейтон.

— Нет, — смущённо признался Леон.

— Вот! — воскликнул механик. — «Моим бы сыновьям такой же задор!» — подумал я, когда узнал про вас. Поэтому вы мне и симпатичны. Дениз, конечно, тоже, — улыбнулся он сыну капитана. — Он с отцом в море ходит с весны. Уважаю таких. Говоришь: «Кто мы такие?» — механик кивнул в сторону Дея. — Да. Пока никто. Но вижу по вашему с другом интересу и горящим глазам, что можете стать хорошими моряками. Вот потому и принял вас.

Глава 4

Корабельный гид

Судовой плотник Бронк был самым пожилым членом команды. Ему стукнуло пятьдесят два. И облик его был под стать старым парусным морякам. На голове — красная повязка, прикрывавшая лоб, из-под неё свисали сбоку две косички. Небольшие усики, короткая бородка на курносом лице с вдумчивым, утомлённым взглядом серых глаз. У него был в отличие от боцмана добродушный нрав.

Когда матросы с боцманом стали поздравлять плотника с днём рождения, он проворчал:

— Ещё годом ближе к смерти — с этим поздравляете меня, бандиты?

— Что ты, дружище, — пробасил Финбар, — мы поздравляем тебя с рождением.

— С этим не меня, а родителей моих поздравлять надо, несмышлёные пингвины, — не сдавался Бронк. — Моей заслуги в том рождении нету.

Плотника в команде уважали — за его мудрость, за многие познания, так что в шутку даже называли академиком.

Бронк ходил в море на этом судне с самой его постройки и знал всё о его корпусе, рангоуте. Ему известны были на корабле все закоулки, ведь судовой плотник — это член команды, который обязан следить за деревянными частями судна и вовремя чинить, если что-то приходило в неисправность. А поскольку в те времена многие суда были ещё полностью деревянными, все они от киля до клотика подлежали работе плотника.

Правда, на этом «чудо-корабле», как скептически называл Бронк пароход-парусник, не всё было «плотников». Котёл, машина, механизмы, трубы, валы — это железо внезапно вмешалось в царство корабельного дерева. И Бронк считал такое вмешательство пагубным для судна.

Однажды он поведал матросам, что не уверен, осталась ли прочность корпуса прежней после устройства здесь этой «окаянной машины». Поэтому плотник время от времени осматривал и трюмы, и все нижние закоулки судна, прислушивался к «голосам» дерева. Он считал, что все деревянные части корабля имеют свой «голос», который проявляется в ту пору, когда судну тяжко. Особенно если оно, тяжело гружёное, переваливается в шторм с волны на волну.

Многие в команде посмеивались над странностями плотника, но были и те, кто понимал его. В их число входил и сам капитан. Он тоже не вполне доверял машине.

Юнгам Бронк ни о чём таком не говорил. Мальчишки ждали, когда он расскажет им что-то интересное.

Клотик:
набалдашник
на верхушке
мачты.

Паёл:
съёмный
настил
на дне судна.

Однажды боцман передал плотнику обоих ребят, чтобы откачивать воду из паёл, которые были у днища. Один юнга орудовал тяжёлым рычагом насоса рядом с фок-мачтой, другой помогал Бронку. Время от времени парни менялись местами.

Как-то разговорились они с плотником и узнали, что ему очень многое известно о кораблях, в том числе и о «Св. Климентине». А потому попросили его юнги раскрыть тайну носовой фигуры. Это был выточенный из дерева и раскрашенный торс грозного воина в боевом шлеме.

— Ладно, хватит качать тебе сегодня, сынок, — сказал Бронк Дею в конце рабочей вахты. — Матрос тебя сменит.

А ты зови своих друзей и приходите к бушприту. Расскажу, что знаю.

Ребята не заставили себя долго ждать. Подоспел и Дениз в сопровождении Дюка.

Плотник велел свеситься вниз, чтобы они могли получше разглядеть под бушпритом носовую фигуру.

Море не штормило, на умеренном ветре судно шло неспешно, слегка кланяясь волнам, и под форштевнем не было шумного буруна, какой бывает на полном парусном ходу.

— Вас интересует эта фигура? — начал Бронк. — Она называется ростра.

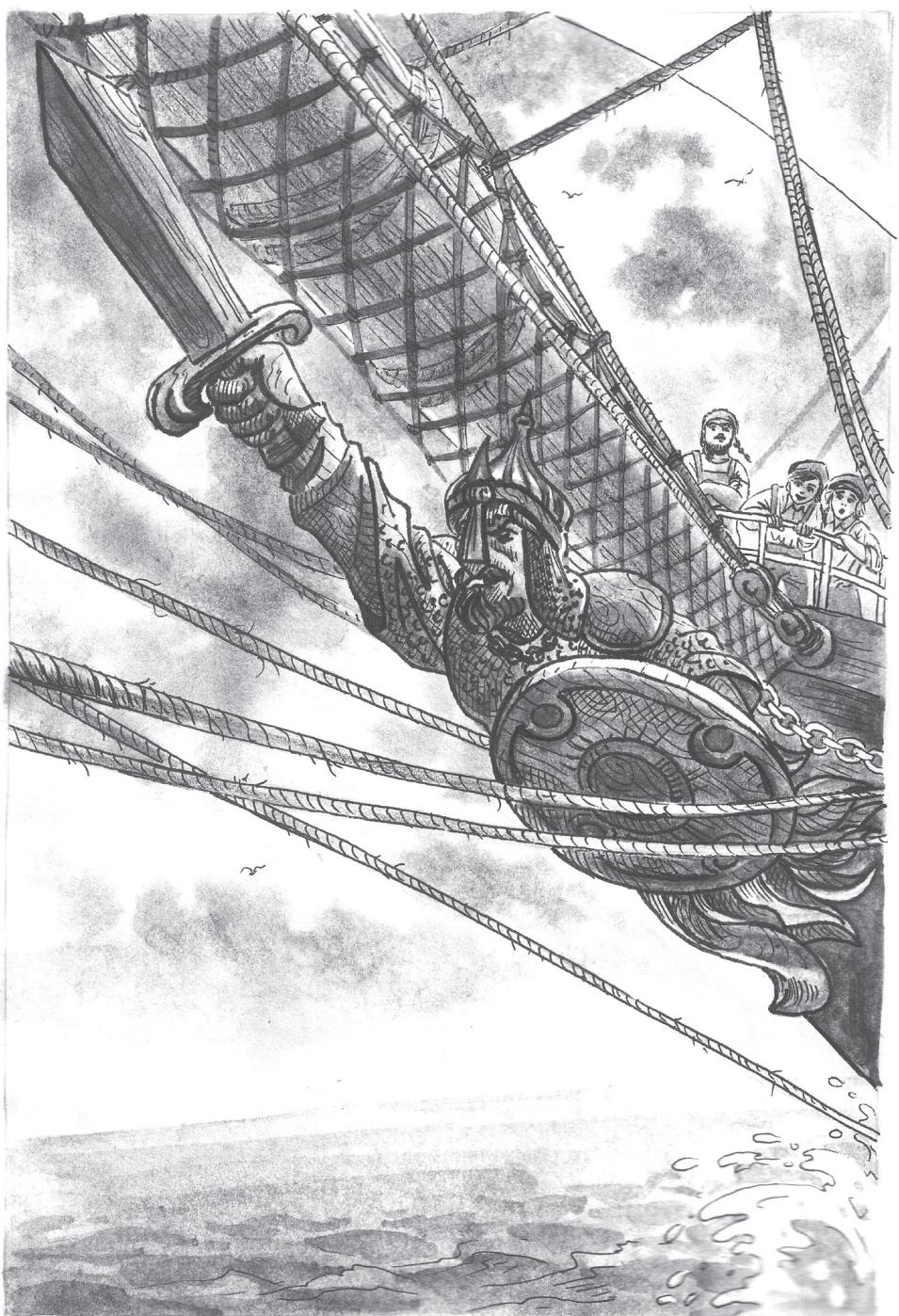
С древности такими украшали корабли. Сейчас на парусниках тоже красуются ростры, но их смысл уже другой.

Ребята, стоя на корточках, внимательно разглядывали внизу фигуру воина с круглым щитом. Заглянул вниз с любопытством и Дюк, полагая, наверное, что там есть что-нибудь съестное.

— А кто он, этот воин? — поднял голову Леон.

Бушприт:
наклонное
рангоутное
«дерево»,
выступающее
вперёд с носа
парусного
судна. К нему
крепятся
носовые косые
паруса.

— Это Берлоз, знаменитый полководец нашего государства в старину, — отвечал плотник. — Его войско всегда побеждало. Он был верным стражем и любимцем короля Бурбана Второго. Фигуры Берлоза с давних времён украшали корабли нашей страны.

— А, ну да, я читал о нём в какой-то книжке у отца, — выпрямился Дениз. — Там написано, что он был самым великим воином в нашей истории.

— А почему в-воин здесь? — подал голос Дей. — Это же не военный к-корабль!

— Моряки любых судов гордятся, когда их судно как бы ведёт какой-нибудь герой или другой знаменитый человек, — пояснил Бронк.

По его довольно физиономии можно было понять, что плотник явно польщён вниманием ребят. Тем более что прежде ему не доводилось выступать в качестве корабельного гида.

Он поведал своим юным слушателям и о том, что самые древние ростры вытасчивались в честь жертв, которых язычники-мореходы приносили своим богам, когда новый корабль выходил в первое плавание. Приносили в жертву чаще всего мужественных юношей-воителей или красивых молодых девушек. У них забирали жизнь и бросали в море в качестве жертвы богам, чтобы те благоволили кораблю в его плаваниях. А деревянные изваяния жертв становились частью корабля и своего рода амулетом для защиты в плаваниях от стихий и злых духов.

— Ничего себе! — поразился Дей. — Неужели им не жалко было молодых и красивых людей?

— Так было не всегда, — постарался успокоить Бронк. — Позднее ростры стали изготавливать в виде мифических обитательниц моря: русалок всяких там, наяд. Тем самым люди пытались сделать свой корабль частью морской стихии. А уже потом ростры выделявали в виде грозных вла-

дык или героев — владельцы кораблей желали иметь защиту для судна от неприятелей и любых неожиданностей.

— А на «Сириусе», паруснике моего отца, под бушпритом фигура какой-то женщины, — поведал Леон. — Когда я спросил, кто это, отец ответил, что не знает.

— Неудивительно, — усмехнулся плотник. — Вы поспрашивайте у наших матросов: чья фигура у нас под бушпритом? Думаете, они знают?

— Неужели не знают? — полюбопытствовал Дей.

— Понятия не имеют! И не интересуются. Носовые фигуры, сыники, превратились просто в украшения кораблей.

— А откуда же тебе известно про этого, как его... Берлоза? — полюбопытствовал Дениз.

— Да ведь я на этом кораблике столько лет, сколько и ему самому, — пояснил плотник. — При постройке, когда укрепляли эту ростру, нам владельцы судна объяснили, кто это такой. Я и запомнил.

— А я видел парусник у нас в порту без фигуры под бушпритом, — объявил Дей.

— Я тоже встречал такие, — согласился Бронк. — Но мне по душе, когда у судна есть кто-то перед форштевнем, кто смотрит вперёд по курсу и первым встречает волны. Это — душа корабля.

— Но ведь корабль неживой, — возразил Леон, — а душа есть только у живых существ. Разве может быть душа у неживого корабля?

Плотник внимательно поглядел на юнгу.

— Вы, нынешние дети, грамотные, — со снисходительной улыбкой сказал он. — О живой душе небось вычитал где-то?

— Да, в Библии.

Форштевень:
деревянная
или стальная
балка —
носовая
оконечность
судна.

— Где? — переспросил Бронк. — В Библии? Хочешь сказать, что разбираешься в этой Книге? — он удивлённо повёл головой. — Даже я, академик, как меня называют здесь, не понимаю её. А тебе кто всё это разъяснил?

— Я три года занимался в детской библейской школе при церкви, — пояснил Леон. — Мать отвела меня туда. Священник читал нам Святое Писание и учили понимать то, что написано в нём.

— И что, ты знаешь Библию? — с недоверием поинтересовался Бронк.

Леон пожал плечами вместо ответа, смущённо улыбнулся и погладил Дюка, присевшего рядом.

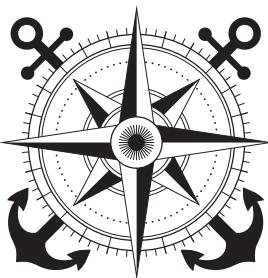
— И вы, ребята, тоже знаете? — не унимался плотник.

— Вот ещё! — неприязненно отзвался Дениз. — Охота было читать эти рассказы!

Дей промолчал. Леон не ответил на выпад сына капитана. Загадочно примолк и плотник-«академик».

На том беседа у носового корабельного украшения и закончилась.

Глава 5

Спасатели

Ослепительное солнце на небесной синеве скатывалось всё ближе к горизонту с той высоты, где оно красовалось в полдень, и, блестя, отражалось на глади моря. Ни ряби, ни малейшей волны не увидеть было на всей зеркальной шире водной пустыни. Шёл третий день полного безветрия.

Свободные от вахт высыпали на верхнюю палубу. Сняв рубашки, они сидели и лежали, нежась под тёплыми лучами. Оба юнги здесь же, на палубе вблизи фок-мачты, сидели на корточках и выполняли задание боцмана: металлическими щётками, обрывками ветоши очищали от ржавчины гвозди.

Одни матросы пели песни, другие собирались вокруг своего товарища-балагура и то и дело взрывались смехом от его баек-небылиц. Ещё трое стояли возле борта неподалёку от Леона с Деем, любовались игрой солнечных бликов и гадали вслух, долго ли ещё быть этому мёртвому штилю. Леон с Деем услышали: эти трое сожалели о том, что здесь,

вдали от берегов, совсем не увидишь чаек. А ведь по ним, мол, можно было определить, какую ждать погоду.

— А как по чайкам узнают погоду? — громко спросил Леон.

Матросы обернулись на мальчишеский голос.

— Салаги хотят знать приметы, — усмехнулся один из них, рыжеволосый крепыш. — Что ж, не жалко, послушайте. И мы когда-то от старииков узнали. Вот, к примеру, если ты на берегу увидел этих птичек у воды, то вспомнишь такую поговорку: «Чайки бродят по песку — моряку суют тоску».

— Как это? — подал голос Дей.

— А вот так, как сейчас, — рыжий указал на море. — В штиль корабль под парусом, как конь, который встал и ни в какую не хочет везти телегу. Поэтому моряку в штиль — тоска. А вот раньше ещё так говорили: «Если чайка села в воду — жди хорошую погоду».

— А про ветер что говорили? — поинтересовался Леон.

— Про ветер узнавали, брат, тоже от чаек, — вступил в разговор другой матрос, загорелый, с курчавыми волосами. — «Чайка вьётся по ветру — моряку не по нутру».

— А почему?

Ребятам стало так интересно, что они забыли даже про боцманские ржавые гвозди.

— Не по нутру потому, что заштормит, — пояснил курчавый. — Что же хорошего в шторм на море! Ну и вот ещё: «Если чайка рвётся ввысь — будет буря, берегись!»

— И по солнцу можно узнавать погоду, — вставил рыжеволосый. — «Солнце красно к вечеру — моряку бояться нечего». Не заштормит, стало быть. А «солнце красно поутру», опять же, «моряку не по нутру». Будет, значит, шторм. И другая поговорка: «Если солнце село в тучу — жди моряк, получишь бучу!»

Услышав эти рассказы, Дениз спустился с мостика, где загорал, в сопровождении своего верного пса.

— А вот если нет чаек и солнце за тучами, как в такой же штиль, как сейчас, раньше узнавали, будет ли ветер? — сходу задал он вопрос знатокам примет.

— А и не узнать, верно, — заговорил третий матрос, с седоватыми густыми усами. — Зато мы слышали, будто сами корабельщики во время штиля вызывали ветер в старину.

— А как? — заинтересовался Дениз.

— К примеру, твой отец, капитан, — обернулся к мальчику седоусый матрос, — должен был бы закинуть в море свою шляпу. А рулевой матрос — швырнуть за борт свой старый сапог.

— Для чего? — засмеялся Дениз.

— Так вызывали в штилевую погоду ветер.

— И что же — получалось?

— Говорят, иногда получалось, — проговорил матрос, пряча в усы улыбку.

От удивления Леон даже присвистнул. Тут же на него шикнули все три матроса.

— Ты что, салага, свистиши! Хочешь, чтобы тебя наказали? — выговорил ему курчавый. — На борту в море свистеть запрещено!

— Он не знал этого, — заступился Дениз за смущившегося Леона. — Только боцманский свисток здесь может звучать, — пояснил он друзьям.

— А ещё капитан имел в старину свисток, — добавил седоусый матрос. — Необычный свисток, рассказывали. Верили, что капитан вызывал им ветер в штиль.

— Ух, Дейка, сколько интересного мы сейчас услышали, — восхищённо шепнул Леон. — Запоминай, чтобы потом записать в тетрадку тайн.

Отправляясь в плавание в поисках корабельных тайн, Леон захватил из дома тетрадь и записывал в неё всё интересное, что узнавали ребята от моряков.

— Эй, смотрите, что это? — раздались возгласы на палубе.

— Летучие рыбки никак?

— Верно! Они!

Послышался прерывистый шелест, и откуда-то налетела стайка летучих рыбок. Одна, вторая, третья... — они шлёпались на палубу и трепыхались. Красивые, серебристые, с прозрачными диковинными крылышками. Матросы бросились подбирать и ловить рыбок, залаял Дюк. Вдруг, когда одна из рыбок упала на планширь и должна была вот-вот свалиться в воду, пёс в азарте охоты прыгнул за ней, схватил зубами, но при этом поскользнулся и сходу вылетел за борт.

— Дюк! — отчаянно вскрикнул Дениз.

Он рванулся к борту, перегнулся через него в порыве увидеть, что с собакой, но тоже не удержался и полетел с воплем за борт.

— Ух! Мальчишка ведь не умеет плавать! — встревоженно воскликнул кто-то из корабельщиков.

**Штормтрап:
верёвочная
лесенка с
деревянными
ступеньками.**

В мгновение ока Леон, а за ним и Дей, скидывая на ходу башмаки, подлетели к борту и прыгнули в воду. Леон, вынырнув, схватил за ворот рубашки барахтавшегося с выпученными глазами Дениза, стал с трудом подгребать с ним к корпусу судна, чтобы ухватиться за шероховатости осмоленного корабельного дерева. Ему это не удавалось, и раза три Леон

погружался с головой вместе со спасаемым другом, но снова выныривал, отчаянно работая одной рукой под крики матросов сверху: «Держись, сейчас поможем!» Дей с собакой подплыли к ним, и мальчик стал помогать Леону и Денизу удержаться на плаву.

С борта скинули штормтрап, на судне сыграли тревогу «человек за бортом» и начали спускать шлюпку. Рыжеволо-

сый матрос спустился к воде по штурмтрапу и, свесившись со ступеней, тоже стал поддерживать Дениза.

Подоспела шлюпка с двумя гребцами. Ребят и Дюка втащили в неё, подняли на борт.

А летучих рыбок и след простыл.

Дениза, вымокшего и едва перебиравшего от слабости ногами, подоспевший капитан отвёл в сопровождении Дюка в каюту. А спасших его друзей, с которых тоже стекала вода, обступили матросы. Они молча одобрительно похлопывали ребят по плечам, по спине. Подошли боцман с плотником.

— Не ожидал от мальков, — удовлетворённо пробасил Финбар и добавил: — На сегодня свободны, так и быть.

А плотник с доброй улыбкой пожал ребятам руки.

«Спасатели» развесили на просушку свою одежду, потом спустились в жилой трюм, забрались в свои постели и притихли, молча переживая случившееся.

Согреввшись, они уже задремали, когда их растормошил матрос-рулевой. Он сообщил, что капитан ждёт их обоих к себе.

Спустя несколько минут друзья уже вошли в знакомую каюту и молча стали у двери. Дениз сидел на диванчике укутанный в отцовский тёплый халат. У его ног лежал Дюк. Он приветливо махнул ребятам хвостом.

Капитан радушным жестом пригласил обоих к столу, на котором они увидели медный чайник, чашки и печенье.

За чаем капитан поблагодарил их за смелый поступок и спасение сына. Он сказал, что ребята выросли в его глазах: и после доклада боцмана о том, что они трудятся вполне усердно, и благодаря сегодняшнему подвигу.

— А ещё открою вам тайну... — загадочно проговорил капитан.

«Вот она, новая тайна, сама идёт в руки», — обрадованно подумал Леон, подтолкнув локтем Дея.

— Мы на судне собирались крестить вас.

— А разве здесь есть с-священник? — удивился Дей.

— Это морское крещение, которое не имеет ничего общего с церковным крещением, — уточнил капитан. — По стаинным обычаям каждый, кто впервые выходил в море, обязан был пройти ритуал посвящения в моряки. Особенно когда судно пересекало экватор или попадало в мёртвый штиль.

— А мы и не знали, — озадаченно сказал Леон.

— Я слышал, вам уже известно, что в древности на новом корабле ради успешного его плавания мореходы приносили жертву?

— Ну да, людей, баранов, — проронил Леон.

— И с-собак, — добавил Дей.

— Это для того, чтобы умилостивить своих богов, — продолжал капитан. — Но когда пришло христианство, вместо принесения жертв на кораблях ввели обряд «морского крещения».

— А как крестили? — заинтересовался Леон.

— Как крестили? Опускали человека с реи гrott-мачты на канате в воду, протаскивали под днищем корабля и с другого борта поднимали на палубу. Таким же способом наказывали и серьёзно провинившихся матросов.

— Но... это ведь, наверное, опасно, — предположил Леон.

— Да, были случаи ранений и даже гибели, когда кто-то захлёбывался. Поэтому изменили обряд и стали сбрасывать человека с реи гrott-мачты в море. Потом поднимали, снова сбрасывали и так повторяли трижды. Мы решили «крестить» вас сейчас, когда судно оказалось в мёртвом штиле.

— Нас тоже будете сбрасывать или п-протаскивать? — с опаской вымолвил Дей.

— Нет, — успокаивающе улыбнулся капитан. — Такие обряды уже в прошлом. Лет сто назад людей начали просто обливать из ведра морской водой. В любую погоду.

Гrott-мачта:
вторая от
носа мачта.

— Уф, ну это ещё ладно, — успокоился Дей.

— Но мы подумали и решили вас не «крестить», хотя и попали в мёртвый штиль. Вы ведь уже получили «морское крещение».

— Когда? — не понял Леон.

— Сегодня, когда сами прыгнули в море, — напомнил капитан. — Поэтому обливать вас из ведра водой нет надобности. Команда с этим согласна.

— Ну как вам эта тайна? — подал голос с диванчика Дениз.

— Здорово, — отозвался Леон.

— Да, не надо будет с-снова сушить свою одежду, — добавил Дей, и все весело рассмеялись.

.....
Такелаж:
*общее
 название
 всех снастей
 на судне.*

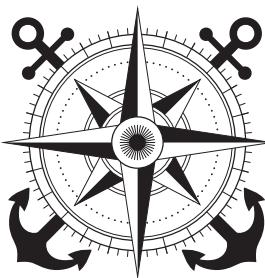
На прощание капитан разрешил юнгам приходить в его каюту в гости к Денизу, когда они пожелают. Добавил, что прослыпал об «Обществе корабельных тайн», об их интересе к устройству судна, морским историям и традициям и сообщил, что если понадобится в этом помочь его, капитана, то «Общество» может на неё рассчитывать: обращайтесь, мол, не стесняясь.

Когда Леон с Деем, поблагодарив за чай, направились к двери, они услышали голос Дениза, проговорившего с лукавинкой:

— Всё-таки, отец, хорошо, что вы не выбросили их за борт, когда обнаружили, не правда ли? — Он помахал ребятам рукой и добавил: — Спасибо вам!

А Дюк на прощание пошевелил хвостом.

Глава 6

Тайна котельного отделения

Дениз нашёл своих друзей в такелажной кладовой в корме. Вернее, их отыскал Дюк, когда его хозяин назвал имена мальчиков и велел искать. Покружиив по верхней палубе, заглянув к насосу у фок-мачты, пёс зигзагами направился к корме. Дверь кладовой оказалась распахнутой, чтобы внутри было светло: отсутствие качки позволяло держать двери в душные помещения открытыми.

Дюк ворвался в кладовую, где, сидя на куске старой парусины, юнги чистили и смазывали такелажные блоки. Пёс приветливо полизал в щёку одного, потом другого и повернулся к входившему в дверь Денизу. Всем своим видом пёс как бы говорил: «Вот они те, кого ты искал, хозяин!»

Дениз торопливо потрепал ухо Дюку и выпалил:

— Велено найти вас. Кажется, и для юнг нашлась важная работёнка!

— Для нас? Важная? — удивился Леон.

— Меня послал к вам отец, — продолжал Дениз. — Он спросил Нейтона: «Ты умеешь вызывать ветер?» А тот: «Я, говорит, только умею машину крутить». «Вот и я не умею сладить со штилем», — сказал ему отец.

Он был раздражён из-за простоя судна: «Наш груз, мол, ждут, а мы закисли, как в болоте. Разводи, говорит, пары, запускай свою шарманку и двинемся под машиной, раз не получается под парусами». Механик сказал: «Есть, капитан. Только у меня одна проблема. Угольщик заболел. Надо бы кого-то поставить вместо него». Отец ему говорит: «У нас нет свободных людей, даже матросов неполный комплект». И тут вспомнили про вас.

Леон с Деем в недоумении слушали приятеля.

— И что? — пробормотал Дей.

— Так угольщик же нужен! Вот про вас и вспомнили.

— Кто такой угольщик? — спросил Леон.

— Это помощник кочегаров. Он из угольного бункера нагребает в вагонетку уголь и подвозит в кочегарку, — пояснил Дениз. — Вставайте же, отец с механиком ждут вас!

Ребята в растерянности поднялись, вытерли ветошью замасленные руки и направились вслед за посыльным.

Капитан предложил мальчикам сесть.

— Мой сын познакомил вас с задачей?

Ребята кивнули.

— Мы с механиком хотим попросить вас помочь.

— Да, — подтвердил Нейтон. — Так получилось, что судну требуется ход, надо поднимать пар в кotle, а без угольщика, то есть без вашей помощи, дать кораблю ход мы не сможем.

Друзья не поверили своим ушам: без их помощи корабль не двинется?

— Надо, чтобы вы выполнили работу захворавшего угольщика, — продолжал капитан. — Обязать мы вас не имеем права, вы не члены экипажа. Поэтому просим вас о помощи.

Юнги ошеломлённо молчали.

— Соглашайтесь, — подсказал Дениз, сидевший за столом рядом с отцом.

— Но мы ведь не знаем... не умеем, — проговорил в неуверенности Леон.

— Это несложно, — успокоил механик. — Работа, правда, нелёгкая и грязная. Но было бы ваше желание и терпение — вам покажут, что делать, и научат.

— Хотел бы добавить, — вновь заговорил капитан, — что сейчас вы помогаете боцману и плотнику бесплатно, за пропитание и за проживание. А за выполнение штатных обязанностей сможете получить кое-какую плату. И ваша помощь нужна только до первого ветра, когда снова поднимем паруса.

— Соглашайтесь же! — настойчивее повторил Дениз.

«А сам-то ты что же?» — невольно подумалось Леону. Но он отогнал эту мысль сразу после того, как вспомнил, что сынок капитана очень уступает им с Деем в силе. «Вон и плавать даже не умеет», — промелькнула неприязненная мысль.

— Подчеркну, что согласиться в ваших интересах, — многозначительным тоном произнёс капитан. — Дело в том, что я смогу внести ваши фамилии в судовой список как членов экипажа. И тогда не придётся передавать вас судебным властям.

— Ну что, готовы? — подал голос механик.

Ребята переглянулись, согласно кивнули друг другу.

— Попробуем, — сказал со вздохом Леон. — Когда начинать?

— Немедленно, — бросил Нейтон. — Вас ждут у котла.

Прямо от капитана ребята направились к знакомому трапу в машинно-котельное отделение.

— Вот здорово! — восхищённо произнёс Дей. — Нас несут в судовой список, и мы уже будем членами экипажа, а не п-преступниками какими-то!

— А, угольщики! — встретил их у котла мускулистый кочегар с широкой грудью. В трёх топках через открытые дверки видны были огни — там горели дрова. Было полу-темно, слабый свет пробивался от нескольких иллюминаторов, видневшихся где-то высоко.

— Сейчас начну на растопку подкидывать уголь, — объявил кочегар. — Вот из этой кучки. Она быстро закончится, а угольщик должен подвозить уголь, чтобы его здесь всегда было много.

Карл, как назвал себя кочегар, отвёл друзей в каморку с металлическими шкафчиками, извлёк из одного из них чёрные брюки на лямках, указал на грубые башмаки внизу, сунул в руки Дею брезентовые рукавицы и вручил ему же совковую лопату со словами «ты будешь первым». Потом провёл обоих через двусторчатую дверцу в тёмный угольный бункер, держа перед собой укрытую решёткой керосиновую лампу, указал на вагонетку и на то место угольной горы в трюме, откуда надо начинать вывозить. Потом похлопал Дея по плечу и удалился, бросив: «Приступай».

«Как здесь ужасно жарко!» — размышлял Леон, насыпая в вагонетку уголь — лопату за лопатой. Два часа назад он сменил Дея, на которого страшно было глядеть: осунувшийся, в чёрной пыли, полуголый и потный, в одних штанах на лямках и еле волочивший ноги от усталости. Так же приблизительно выглядел сейчас и Леон, которому Дей передал брюки на лямках, башмаки, лопату и рукавицы, а сам побрёл в кабинку душа.

Зато перед котлом высилась уже приметная горка, из которой потный и тоже чёрный от пыли кочегар, черты лица

которого трудно было даже разгадать, то и дело подхватывал своей лопатой отливавший чёрным глянцем уголь и закидывал его поочерёдно в топки. А они гудели бело-жёлтым пламенем, жар от которого вырывался наружу, как только открывалась дверка. Потом кочегар, морщась от жара, подламывал спёкшийся уголь длинным тонким ломом, шуровал горевшую массу железным гребком, вызывая более жаркое пламя. Стрелки манометров на котле показывали, что пар «на марке», то есть достиг рабочего давления. И ухала паровая машина, её гул и какое-то чавканье доносились в котельное. Всё это означало, что судно вновь имеет ход.

Кочегар то и дело наклонял висевший сбоку от котла большой чайник, отпивал из него и поливал своё жаркое лицо и шею. Подходил к чайнику и угольщик: от жажды быстро пересыхало в горле. К тому же он обязан был время от времени пополнять чайник водой.

Перед концом вахты кочегар нагрёб из топок догоравший шлак, позвал угольщика, и вдвоём они грузили горячий шлак в железную бадью. Потом крутили рукоятку, поднимали бадью за бадьёй на верхнюю палубу.

— Теперь три ведра угля тащи на камбуз! — велел кочегар.

— Куда? — не понял Леон.

— На камбуз! Ты что — оглох?

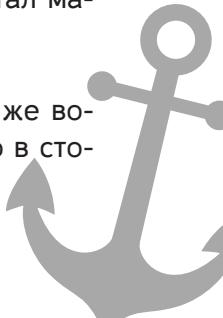
Нагрузив тяжёлое ведро, угольщик выбрался с ним на палубу.

— Где найти камбуз? — спросил он у проходившего мимо матроса. Тот удивлённо глянул на чумазого юнгу.

— Где вкусно пахнет — там и камбуз, — захохотал матрос и пошагал дальше.

Леон принюхался, но вкусного запаха не учゅял.

Увидев ещё одного матроса, юнга задал ему тот же вопрос. Этот, видно, спешил. Он махнул рукой куда-то в сторону бушприта и исчез.

Леон потащился с углём в носовую часть судна. Там заметил дымок из тонкой трубы. Она венчала небольшую, притулившуюся к правому борту надстроечку, на которую ребята раньше не обращали внимания. Отыскав дверь, Леон протиснулся со своим ведром вовнутрь и оказался на кухне. Кок, которого худощавым назвать язык не поворачивался, с голым торсом, как и кочегар, в грязном, когда-то белом платке, повязанном на голове, орудовал у плиты. На ней стоял большой бак, а в нём что-то булькало. Второй — молодой чумазый парень, его помощник, судя по всему, сидел в углу и перебирал фасоль в большом тазу.

— А, юный «дух»! — приветствовал юнгу кок. — Высыпай вон в тот ящик. Войдёт три ведра.

Леон высыпал уголь, огляделся.

— Что — нравится? — подмигнул кок. — Переходи ко мне работать. Здесь не так много работы, как у вас там, зато сытно.

— Если отпустит боцман, — угрюмо проговорил Леон.

— Этот-то не отпустит, — убеждённо протянул повар. — Хотя вас ведь двое, одного-то, может быть, и отдаст.

После вахты Леон стоял у борта, его ноги дрожали от усталости. Юнга глядел сузившимися от пота глазами на белёсое штилевое бескрайнее море и молча молился о ниспослании кораблю ветра.

Но лишь через долгих четыре дня машинного хода, мучительных для юнг, зашевелились паруса, вновь наполнились ветром, и прекратил валить из трубы чёрный дым. Механик отпустил наконец угольщиков, и они, к своей радости, получили передышку на целый день.

Этот день им был очень нужен: они решили посвятить его разгадыванию тайны котельного отделения. Дело в том, что в поисках тайн на корабле Леон с Деем спросили как-то у кочегара Карла, не знает ли он, какая тайна имеется в кочегарке.

Очень удивился этому вопросу «дух» и даже рассмеялся: «Какие тут могут быть тайны? Вот уголь, вон — три топки. Бросай в них уголь, подламывай, шевели — держи пар на марке — и всё!»

Ребята разочарованно примолкли.

Но на следующий день, когда Леон сменял Дея, а на вахту снова заступил Карл, он поманил друзей пальцем.

— Вы спрашивали про тайны, — таинственно заговорил кочегар. — Я вспомнил. Что-то непонятное происходит с моими сухарями.

— Чего? — не понял Дей.

— Я прихожу на вахту с сухариками, — принялся объяснять широкогрудый кочегар. — Они завёрнуты в тряпочку. И я кладу их вон туда, — он указал на большой вентиль внизу, сбоку от котла. — Подкрепиться иногда хочется. И вот в последние три вахты хочу погрызть, а сухарей нет. Это не вы балуете? — кочегар с подозрением посмотрел на одного, потом на другого.

Ребята отрицательно покачали головами.

— Хотя нет, вы всегда перед глазами. Но ведь чудеса какие-то! Я уж подумал, не привидение ли у нас завелось? Вот вам и тайна!

Освободившись наконец от изматывавших угольных вахт, юнги встретились с Денизом и поведали ему не выходивший из головы рассказ о пропадавших сухарях.

Долго размышляли трое, что могло бы это быть. Кто таинственным образом похищал сухари в полуёмном котельном отделении? Да и как теперь узнать? Котёл снова потушен, в кочегарке — никого.

Ребята уже готовы были отчаяться, но вдруг Дениз радостно воскликнул:

— Я придумал! Дюк!

— Дюк ворует сухари? — недоумённо пробормотал Леон.

— Нет. Дюк нам поможет. — И Дениз рассказал свой план.

Вскоре все трое с собакой сошли в кочегарку. Дениз положил тряпочку с несколькими сухарями в то место, куда клал их обычно Карл. Подозвав Дюка, Дениз дал ему понюхать сухари и велел искать.

Пёс начал обнюхивать пол под ногами ребят. Затем, проводя своим чёрным носом по угольной палубе, направился куда-то в сторону от котла. Там стал царапать передними лапами, и ребята увидели едва приметное отверстие между толстым трубопроводом и металлической перегородкой.

— Кажется, крыса приходит, — прошептал Дениз, оттаскивая собаку. — Молодец, Дюк!

Но требовалось убедиться в этом предположении. И друзья решили проследить за сухарями. Они укрылись в тёмном углу и затаились.

Ждать пришлось не очень долго. Дёрнулся Дюк, Дениз придержал пса и молча указал пальцем, шепнув ребятам:

— Вон она!

Большая тёмно-серая крыса подбежала к тряпице, встала на задние лапки, схватила зубами и вытянула сухарь. Потом она воровато понесла его туда, где Дюк нашел её лаз.

— Вот и вся тайна, — оживились ребята. — Мы разгадали её!

В жилом трюме они нашли Карла и рассказали ему о тайне его сухарей.

— Ну вы молодцы! — восхитился кочегар. — Теперь придётся мне повыше подвешивать сухарики, чтобы не доставляла их воровка. А вы её не спугнули? Не швырнули в неё чем-нибудь? — озадаченно спросил он.

— Нет, — ответил Дениз, — она спокойно ушла.

— Это правильно, — одобрил Карл. — Они ведь умные. А ещё и мстительные. Мудрые люди советуют не обижать их.

И он рассказал историю, приключившуюся на другом судне:

— Там мы жили вчетвером в каюте. Мой товарищ после вахты пил чай и тут увидел крысу. Она сидела у двери и

глядела на него. Он прикрикнул на неё и запустил в неё башмаком. Крыса исчезла. А после следующей вахты другой наш товарищ пил на том же месте чай и тоже увидел крысу. Она сидела там же, у двери, и смотрела на него, будто ждала чего-то. Этот кочегар отломил кусочек сыру и бросил ей. Крыса взяла сыр и ушла. Потом она ещё несколько раз приходила после вахты этого кочегара, и он всегда угождал ей чем-нибудь.

— Вот молодец, — отметил Леон.

— Но самое интересное было впереди, — подмигнул Карл. — Когда наше судно вернулось в порт и команда стала собираться на берег, то одежда в рундучке кочегара, который прогнал крысу, оказалась вся изъеденной, в дырках. А костюм «кормильца» был не тронут.

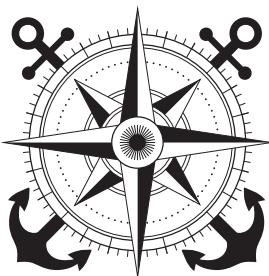
— Ум-мная, — протянул Дей, впечатлённый рассказом.

— Выходит, что добро понимают даже такие существа, как крысы. И они же умеют отплатить за зло, — наставлял ребят кочегар.

— Я запомнил из Библии похожие строки, — проговорил Леон, — но только про людей: «Каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал».

— В общем, ваша одежда до прибытия в порт должна остаться целой, — подмигнул мальчишкам Карл.

Глава 7

Посох Иакова

Как-то, работая у плотника, юнги сели передохнуть в его мастерской. Корабль шёл под парусами. Умеренно покачивало на невысокой волне, но ребята на это уже не обращали внимания. Появился Бронк с тяжёлой деревянной штуковиной на плече.

— Это что? — поинтересовался Дей.

Ребята старались узнать обо всём на корабле. О многом они уже разведали за те четыре недели, что пребывало судно в море. Знали, например, что фок-мачта несёт здесь прямые паруса, а грат-мачта — прямые и один большой косой. Знали, что прямые паруса крепятся к реям, длинным и толстым, как брёвна. А к нижним углам парусов привязаны шкоты — верёвочные канаты. Они держат парус натянутым. Известно было им и то, что ванты служат не только «лесенками» на мачту, но ещё и крепят её.

Побывали они даже на фор-марсе — площадке на мачте. Не сразу добрались до этого марса: боязно было. Лишь во

время штиля боцман позволил им влезть туда. Вначале забрались невысоко, на второй раз — повыше. А попри-выкнув, добрались и до марсовой площадки. С того дня в хорошую погоду друзья часто сидели там, любуясь ширью моря и ходом под парусами.

Фок-мачта:
*первая от
носа мачта.*

К ним присоединялся Дениз. Он оставлял внизу своего хвостатого друга, а тот сидел под мачтой и непонимающе глядел наверх.

Словом, немало уже знали и умели ребята. Но далеко не всё, что нужно было бы. Поэтому при любом удобном случае они не стеснялись спрашивать у мореходов о том, что их интересовало.

Однажды мальчишки робко попросились у боцмана нарядить их на работу на камбуз. Но тот лишь молча показал им кулак.

— Чем плохо вам у меня и у плотника? — добавил сурово Финбар.

Бронк осторожно снял с плеча принесённую штуковину со словами «это кница». И, не дожидаясь очередного вопроса, пояснил:

— Она крепит доски борта с досками палубы. Гляжу — эта треснула. Значит, надо менять. — Он внимательно поглядел на ребят. — А вы о чём шушукаетесь? Новую тайну нашли?

— Мы когда с мачты смотрели на море, — заговорил Леон, — видели вокруг только воду и подумали: «Ни берегов, ни островов — не заблудимся ли мы?»

— «Не заблудимся ли мы?» — передразнил их плотник. — У нас ведь штурвал есть и перо руля под кормой, — он присел на книзу. — Куда штурвал крутанёшь — туда и посудина наша поворачивает. Она слушается руля. Не так ли?

— Да, — сказал Дей, не понимая, к чему клонит «академик».

— Тогда ответьте: всё ли на судне слушается поворотов руля? Паруса слушаются?

— Наверно, — пожал плечами Дей.

— Конечно. Куда корабль, туда и паруса. А вы слушаетесь поворотов судна? — хитро сузил глаза Бронк.

— Как это? — не понял Дей.

— Вот сидите вы на мачте вперёдсмотрящими. Куда идёт судно, туда и смотрите. Повернул корабль вправо — и вы глядите теперь в ту же сторону. Значит, всё, что на судне, слушается его поворотов?

— Ну да, — согласился Дей.

— А есть ли что-то, что не подчиняется рулю, не слушается поворотов?

Дей неопределённо пожал плечами, а Леон пробормотал: «Не знаю».

— Не знаете. А оно есть. Вот и подумайте, что это. Пока я схожу за подходящей деревиной.

Бронк ушёл, а друзья принялись перебирать всё, что есть на корабле. За этим и застал их Дениз, его вновь привёл в плотницкую ищейка Дюк.

— А, вот вы где! — Дениз остановился в дверях. — Я договорился с отцом: вас допустят к штурвалу.

— Ура! — в один голос завопили друзья.

— А нам плотник загадал загадку, — сообщил Леон и рассказал о ней Денизу.

Сын капитана озадаченно поднял брови, задумался. Он не первый месяц знаком с кораблём и определённо должен был знать ответ на загадку.

— Дюк, может, тебе известно? — обратился он к пятнистому другу, ничего не придумав.

Пёс гавкнул — это и был весь его ответ.

Кница:
треугольная
крепёжная
деталь.

— Что же это может быть? — проговорил озадаченный Дениз, оглядывая палубу.

Взгляд его остановился на трубе, и он воскликнул:

— О! Угадал! Это же дым из трубы. Корабль поворачивает, а дым идёт в ту же сторону, куда и шёл!

— Здорово! — восхитился Дей.

Подошёл Бронк с обрубком бревна на плече.

— Ну как, разгадали? — спросил он с ходу. — Вас ведь уже трое.

С этими словами плотник опустил свой груз на палубу.

— Это дым из трубы! — выпалил Дей обрадованно. — Дениз догадался.

— Ох мудрецы, — покачал головой плотник. — Дым ведь не судну принадлежит, а ветру. Неправильный ответ. Ладно, принимайтесь за работу и думайте дальше.

— А нас сегодня к штурвалу д-допустят, — сообщил Дей.

— Вот как? — плотник загадочно улыбнулся. — Что же, может, там и узнаете ответ.

Когда Дей и Леон встали к штурвалу, их «наставник» Дениз указал на компас:

— Сколько градусов на картишке напротив стрелочки?

— Сто с-семьдесят, — приглядевшись, ответил Дей.

— Сто семьдесят и держите. Если нос судна отклонится влево, а картишка,

значит, поплыёт вправо, вы и штурвал поверните немногого вправо. Добейтесь, чтобы снова было сто семьдесят и удерживайте так.

Нелёгким оказалось это делом — держать судно на курсе. Под воздействием ветра нос отклоняется вправо, юнги крутят штурвал в обратную сторону — поворот остановился, но судно теперь пошло влево и пересекло точку нуж-

Картушка:
круглый диск
в морском
компасе
с нанесёнными
угловыми
градусами.

ного курса. Друзья снова накручивают вправо. И опять — влево... Едва успевают проворачивать тяжёлый штурвал туда-сюда, а курс никак не устанавливается. Словно издается над юнгами.

— Ну что вы уток ловите? — смеётся Дениз.

— Каких ещё уток? — кряхтит Дей.

— Когда судно виляет вот так, как у вас, вправо-влево, это и называется «ловить уток», — пояснил Дениз. — Ладно, отдохните.

Матросы-рулевые перехватили штурвал.

— А почему она так убегает, эта картушка? — досадливо проворчал Леон, отойдя в сторону. — Мы её влево, а она не слушается. О! — выкрикнул он. — Вот что не подчиняется рулю: компас! Куда ни поворачивай корабль, а «север» на картушке всё равно в одну сторону смотрит!

— И верно, — протянул Дей. — Как же мы раньше не догадались! Вот мы глупые!

— Вы не глупые, — подал голос вахтенный штурман Филикс. Всё это время он стоял рядом и наблюдал за действиями горе-рулевых. — Просто у вас нет навыков и нужных знаний. Думаете, когда я или рулевой матрос впервые встали к штурвалу, не ловили уток? Ни у кого сразу не получается. А принародишься — и сможешь строго держать судно на курсе. Вот как Дениз, например. Он тоже немало наловил водоплавающих, пока не научился рулить. Научитесь и вы.

— Навыки, значит, можно получить. А знания? — спросил Дей.

— Какие? — осведомился штурман.

— Для нас вот тайна: как не заблудиться в море, ведь ни бе-берегов, ни маяков не видно.

— У мореходов есть такая наука — навигация, — отвечал Филикс. — И другие науки, которые помогают ориентироваться в море. — Он качнулся с каблуков на носки, оглядел пустынный горизонт и продолжил: — Например, локия рас-

сказывает о берегах и островах, мореходная астрономия учит определять широту местоположения судна по небесным светилам. А с помощью морских карт определяют курсы для того, чтобы прийти в нужный порт. На картах также видно, где какие морские течения, глубины, опасные мели, подводные камни. Нам, навигаторам, во время учёбы дают и другие нужные знания.

— А что такое широта? — спросил Леон, посмотрев снизу на высокого Филикса.

— Широта — это место на земном шаре, которое удалено от экватора на какое-то количество градусов. Есть ещё и долгота — такая же точка, удалённая от нулевого меридиана, тоже в градусах. Зная, на какой мы широте и долготе, получаем местоположение судна на карте. От этой точки прокладываем линию, куда нам нужно двигаться, это и есть курс.

— А как узнать широту и долготу? — полюбопытствовал Дей.

— Широту у берегов определяем по маякам, а в открытом море — по небесным светилам: солнцу, луне или звёздам, по их высоте над горизонтом, — терпеливо разъяснял штурман. — А долготу узнаём так: сначала секстаном определяем местное время по высоте какого-нибудь светила с помощью таблиц, а потом сверяем с временем на хронометре — это точные часы, они показывают время нулевого меридиана. Разница этих двух времён и будет долготой. Но это пока сложно для вас.

— Зато как интересно, правда, ребята? — воскликнул Дениз.

— Да, — отозвался Дей. — Я вот только не понял, как широту всё же определяют по све-светилам?

— Вначале угломерным инструментом измеряют высоту светила над горизонтом, — продолжил объяснять штурман. — А потом с помощью специальных астрономических

таблиц вычисляют широту. Кстати, интересна история широты, я узнал об этом, когда учился на навигатора. Известно о первых мореходах, которые прекрасно ориентировались в океане, — это полинезийцы. За сотни лет до Колумба они на своих деревянных каноэ бороздили океан. Вместо широты и долготы использовали для ориентирования солнце, луну, звёзды, ветры и течения.

— А что, у них и карты были, как у вас? — спросил Дей.

— Были. Они изготавливали их из ракушек и палочек.

— Карты из ракушек! Вот это да! — рассмеялся Дениз.

— Викинги тоже не боялись океана, — рассказывал штурман. — Они на своих дракках ходили по всем морям северной Европы, в Исландию, Гренландию и даже открыли Северную Америку.

— Тоже с картами из ракушек? — ухмыльнулся Дениз.

— Нет. Использовали морские течения, наблюдали за китами, брали с собой в плавание обученных воронов. Эти птицы летали на разведку, чтобы подсказывать, в какой стороне ближайший берег. А местоположение своего судна викинги определяли с помощью солнечных часов, вели счёт дням, учитывали скорость судна и ориентировались по небесным светилам.

— Тоже с помощью угломерного инструмента? — полюбопытствовал Дей.

— Нет. У них не было таких инструментов.

— А какой он, угломерный инструмент? — не унимался Дей.

— Любопытна и его история, кстати, — отметил штурман. — Первый появился у арабов ещё в десятом столетии и назывался астролябией. Ею стали пользоваться и почти все мореходы. В пятнадцатом веке разработали другой угломерный инструмент. Он назывался градшток, или посох Иакова.

— Как? — встрепенулся Леон. — Погох Иакова? Почему так назвали?

— Неизвестно, — пожал плечами Филикс. — Наверное, он напоминал какой-то посох.

— Какого-то Иакова, — добавил Дениз.

— Не какого-то, а патриарха древнего Божьего народа, — уточнил Леон. — Иаков ведь в молодости пас большие стада овец. А у каждого пастуха был особый длинный посох. Он был загнут крючком сверху. Этим посохом можно было и овцу за рога вытащить из какой-нибудь расселины в скалах, и волка отогнать от стада.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво сказал Дениз.

— Так в Библии же об Иакове много написано!

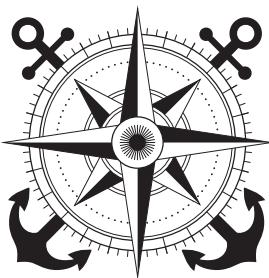
— Ну вот, опять эти сказки, — поморщился сын капитана. — Вы и теперь пользуетесь таким посохом Иакова? — обратился он к штурману. — Можно взглянуть на него?

— Нет, — покачал головой Филикс. — Теперь у нас есть секстан, более точный инструмент, оптический, и он не напоминает посох. Я покажу его вам как-нибудь позднее и научу определять высоту светила — солнца, к примеру.

— Или звезды? — спросил Дей.

— Найти и «поймать» звезду секстаном вам будет сложно. Это то же самое, что и «ловля уток», — закончил штурман с улыбкой.

Глава 8

«Св. Климентин»

— Леонка, давай узнаем ещё одну тайну, — предложил Дей. — Помнишь, мы говорили о названии судна? Спросим у «академика» — он наверняка знает.

— Давай спросим, — согласился Леон.

И каково же было изумление друзей, когда они услышали признание Бронка, что он не знает, кто такой этот святой Климентин.

Они сидели в плотницкой, только что покончив с работами. Плотник сказал лишь, что новым судам с давних времён давали имена императоров, героев, святых, чтобы сделать покровителями корабля, хранителями от бед.

— Значит, святой Климентин охраняет наше судно от всяких бед? — уточнил Дей.

— Так говорят, — пожал плечами Бронк. — А кто он такой, я не знаю. И капитану это неизвестно, я как-то спрашивал у него об этом святом. Вот кто и должен был знать, —

плотник положил руку Леону на плечо, — так это наш друг. Он же Библию читает.

— Но там я не встречал такого имени, — отозвался Леон.

— Точно не встречал?

— Кажется, нет.

— Кажется, — проворчал плотник и, задумавшись на мгновение, продолжил: — А мы вот что сделаем... — сказал он с загадочным видом и подошёл к шкафчику с инструментами, потом отворил дверцу, пошарил внутри и извлёк на свет какой-то свёрток. Что-то было завёрнуто в кусок выцветшей парусины. Плотник осторожно развернул свёрток, и в руках его оказалась внушительного размера книга, судя по виду, старая.

— Вот, — Бронк с торжественным видом протянул книгу Леону. — Ты единственный на корабле, кто читал эту Книгу и знает её. Возьми, она теперь твоя, иначе не быть мне плотником на этом корабле!

— Библия! — прошептал Леон, не веря своим глазам.

— Библия, — кивнул плотник. — Возьми её!

— О, у меня никогда не было Библии!

— А как же ты говоришь, что читал её? — удивился Бронк и придержал книгу.

— Священник давал мне почитать. Даст на день, на два... Потом ещё... Ты, говорит, больше всех задаёшь мне вопросов о Слове Божьем, так что почитай сам.

— Ну вот, теперь она у тебя будет, — удовлетворённо проговорил Бронк. — Просмотри её внимательно, а потом расскажешь нам о святом Климентине.

— А откуда з-здесь эта книга? — спросил Дей, указав на шкафчик.

Плотник печально вздохнул.

— Это тяжёлая история, — начал он. — Когда «Климентин» был ещё парусником, находились как-то давно у нас на борту пассажиры. Это были потомки первых переселен-

цев-пилигримов, они добирались из Голландии в Америку. Эти люди как-то нашли друг друга, собрались вместе и решили отправиться на новую родину своих предков, поискать внуков, правнуоков — своих родственников, да и остаться там. Один из них был при болезни. Помню, звали его Патриком, худой такой был, с большими глазами. Я помогал ему чем мог: врача-то не было на судне. Но лучше ему не становилось. Да и шторма постоянные лишали его сил. В общем, ребята, не суждено было ему добраться до прадедов. Помер он посреди океана. Схоронили Патрика по морской традиции — предали морю. И осталась от него только эта Библия. Товарищи Патрика отдали её мне. Ты, говорят, был ему ближе всех в его последние дни. Так пусть останется эта Книга как память о нём и о твоём добром поступке. Читай её, и спасёшься. Я пытался читать, но не мог понять — что к чему там. Не давалась она мне, Библия. Не «академик» я, значит, — сокрушённо вздохнул Бронк. — А теперь вот появился тот, кому она даётся. Так что бери. Обязательно найди в ней о нашем святом Климентине.

Спустя неделю там же, в мастерской плотника, все трое сидели кто на чём и оживлённо переговаривались о скором заходе судна в порт назначения. Дениз знал, что этот порт называется Кайкулио и находится в жаркой тропической стране. В ней не растут оливки, но там очень любят оливковое масло, а оно — в трюмах «Климентина». Там не выращивают ни лён, ни коноплю, а пряжу и ткани из этих растений везёт их судно. Там нет и кукурузы, а она — в мешках на «Климентине». Но зато, говорят, в Кайкулио пляжи с белым песком и очень тёплое море. А ещё можно отыскать красивые большие раковины на дне среди кораллов.

— Стоянка должна быть не меньше недели, — говорил Дениз. — Так что накупаемся и позагораем вволю.

Мечтанья ребят прервал Бронк, ввалившийся с топором в руке в мастерскую.

— Что-то притупился, — озадаченно произнёс он, — надо подточить.

Плотник приспособился у верстака, расставил ноги пошире из-за качки и принялся шоркать по лезвию топора куском точильного камня.

Парни примолкли. Леон с Деем вычёсывали конопатку и скручивали её в плотные жгуты. Дениз сидел, потрёпывая холку Дюка, блаженно прикрывшего глаза.

— Так будет получше, — с удовлетворением сказал Бронк, пробуя ногтем отточенное лезвие топора. Упрятав камень, он собрался уже уходить и уже вложил топор за свой ременный пояс, как вдруг услышал виноватый голос Леона:

— Бронк, я хочу сказать тебе... эм... я не нашёл ничего про святого Климентина.

— Совсем ничего? — плотник повернулся к юнге.

— Ничего. Я просмотрел все главы и не нашел никого со словом «святой» кроме апостолов. А имени Климентин в Библии совсем нет.

— Как же так? — обескураженно произнёс плотник.

— Я помню, священник нам говорил, что святыми стали почитать разных людей уже потом. И молиться им стали как защитникам, помощникам, — добавил Леон.

Бронк разочарованно смотрел на Леона.

— Да ладно вам, — неприязненно отозвался Дениз, перестав трепать собаку. — Хорошо, что есть эти святые, они ведь помогают, оберегают.

— А это точно? — подал голос Дей.

Ответом стало молчание. Похоже, никто этого не знал.

— Но вот помню, погиб в Тихом океане «Святой Августин», — растерянно проговорил Бронк. — А ведь крепкий был корабль. Команда, правда, спаслась на шлюпках. А ещё «Святой Ульв», он вылетел на камни где-то... — плотник нахмуршил лоб, вспоминая подробности, — кажется, у Маври-

кия. И «Святой Гримм» тоже затонул у скал Шетландских. Это что, выходит святые имена не все корабли оберегают?

— Но нас-то святой Климентин хранит, — не сдавался Дениз. — А ведь судну много лет, и он, ты же сам, Бронк, рассказывал, всё время был в морях.

— Да, ребятки, — задумчиво произнёс плотник, — пока мы не попадали в беду... Ладно, пошёл я.

Не успел Бронк выйти, как снова распахнулась дверь.

— Нож-то я забыл взять. Леон, подай-ка мне его, вон в гнезде на стеллаже.

Леон нашёл большой плотницкий нож в кожаном чехле, протянул Бронку, и тот удалился.

— А я думаю, — продолжил разговор Леон, — что раз корабль деревянный, то его хранит и оберегает наш плотник.

— И капитан! — непререкаемым тоном добавил Дениз.

— А ещё механик с «д-духами», — подхватил Дей.

— Но главное, парни, корабль и всех нас оберегает и хранит знаете кто? — спросил Леон.

— Морской царь, хочешь сказать? — предположил Дениз.

— Нет, — покачал головой Леон. — Мы в библейской школе заучивали некоторые стихи из Библии. Я помню, в одном псалме есть такие слова: «Господь — хранитель твой... Господь сохранит тебя от всякого зла».

Глава 9

Кайкулио

Бледно-зелёный гористый берег открылся утром.

— Земля-а! — послышался крик вперёдсмотрящего.

Десятки глаз на палубе с жадностью разглядывали открывшееся в голубоватой дымке незнакомое побережье. Мореходы соскучились по земле. Леон, Дей и Дениз тоже с самого утра торчали наверху, в носовой части близ брашиля. В день захода в порт и выхода из него боцман освобождал команду от палубных работ.

Дымя своей чёрной трубой, корабль неспешно приближался к берегу. Ещё с вечера развели пары, готовясь к порту. Юнги радовались также и тому, что выздоровел угольщик, и никто теперь не убеждал ребят, что без них судно не сможет двигаться под машиной.

Вскоре стали отчётливо видны мысы, на одном из которых красовалась полосатая башенка маяка. Забелели полоски прибрежного прибоя. Из-за одного мыса показался крохот-

ный ботик, тоже дымивший своей тонкой трубой. Он направился навстречу «Климентину».

— Лоцман идёт к нам, — солидно пояснил Дениз.

— Откуда ты знаешь? — удивился Дей.

— Там на мачтожке лоцманский флаг, видишь — наполовину белый и наполовину красный.

— А как же узнали, что нам нужен лоцман?

— А это вам ещё одна тайна, — произнёс Дениз с хитрой, — угадаете?

— Сдаёмся, не знаем, — сказал Леон.

— Всё просто. На берегу заметили в бинокль наверху нашей фок-мачты особый флаг.

Задрав головы, юнги увидели лениво колыхавшийся флаг из жёлтых и голубых вертикальных полосок.

— Этот флаг и означает: «Мне нужен лоцман», — пояснил Дениз.

— На к-каком языке? — простодушно поинтересовался Дей.

— На любом. Из таких разных флагов состоит Международный свод сигналов. И в порту любой страны этот флаг поймут одинаково: «Мне нужен лоцман».

— Здорово придумано! — восхитился Дей. — А какие ещё бывают с-сигналы?

— О, их много! — отозвался Дениз. — Мне отец показывал таблицу Международного свода сигналов. Но я запомнил про лоцмана и сигнал «Мне нужна помощь».

— Это какой? — не отставал Дей.

— Белый флаг, перечёркнутый из углов толстыми красными полосами. Там много разных, — разохотился сын капитана. — Есть флаги «Я изменяю свой курс вправо» или «Я изменяю свой курс влево», «Вы идёте к опасности», «Человек за бортом», «У меня на борту пожар» и всякие другие. Это однофлажные сигналы. А ещё бывают двухфлажные — ими вообще можно переговариваться на разные морские темы.

Дениз обернулся:

— А вон матрос поднимает ещё один флаг, жёлтый. Я вспомнил: он означает «Моё судно не заражено». Это чтобы корабль допустили к причалу и все мы свободно могли сойти на берег.

— Да, Дейка, вот этой тайны про корабельные сигналы мы с тобой не знали, — протянул удивлённо Леон.

— А вы многое ещё не знаете, — ухмыльнулся Дениз, а потом признался: — Да и я тоже.

Между тем к борту подвалил лоцманский бот. По штор-мтрапу влез смуглолицый с редкими чёрными усиками человек в белых шортах, рубашке и панаме. Филикс проводил его на мостик. Лоцман, поздоровавшись с капитаном, велел дать машине средний ход и задал новый курс.

Приблизился ставший уже тёмно-зелёным берег, сделались различимыми заросли пальм на ближних холмах и даже отдельные деревья. Показались белоснежные домики. Наконец судно завернуло за мыс. Справа осталась вспененная волнами гряда рифов. Впереди открылась обширная бухта с цепью причалов, у которых стояло несколько парусников, а выше раскинулась россыпь городских домов и домиков.

Ребятам не терпелось сойти на берег, ощутить твёрдую землю под ногами после долгого обитания «враскачу».

Солнце поднялось уже высоко, ветер остался где-то за входным мысом, и оказалось, что порт, куда заходит корабль, — это довольно-таки жаркое место.

После портовых, пограничных, таможенных формальностей на борт подали широкие трапы. Появились смуглые жилистые грузчики в одних набедренных повязках и платочках, повязанных на голову. Корабельщики раскрыли трюм, и началась выгрузка. Ребята наконец смогли сойти на берег.

Город оказался небольшим, а улицы его были кривыми. На шумной площади, заполненной торговцами с их откры-

тыми палатками и тележками, высился в центре памятник какому-то мореходу. Он стоял в ботфортах, широкополой шляпе, в старинной диковинной одежде, одной рукой опирался на трость, а в другой держал воинственно поднятую саблю. Надпись оказалась на неизвестном языке. Но друзья поняли, что перед ними какой-то моряк-завоеватель. И что, скорее всего, он основал здесь порт и город.

— Наверняка его фигуру носит на форштевне какой-нибудь п-парусник, — предположил Дей.

Ребята прошлись по торговым рядам, поглазели на диковинные фрукты и овощи. Пахло пряностями, сладостями, стоял незнакомый уху говор, и слышались выкрики торговок.

Потом друзья петляли по узким пустынным улицам, где можно было увидеть лишь босоногого мальчишку с тележкой разносчика или женщину в сером балахоне с корзиной на плече. И наконец вышли за крайние домики, крытые красной черепицей, и на дорогу, которая вела куда-то в глубь пальмового леса. Стали решать, что делать дальше, и тут услышали поблизости глухие стуки. Оказалось, совсем рядом, на поляне, двое черноволосых парней, с обнажёнными торсами, как и портовые грузчики, снимали урожай кокосовых орехов. Один из них на вершине высокой пальмы среди широких листьев срубал большим ножом орехи, которые падали с мягким стуком на ковер полусухой травы, а второй подбирал кокосы и складывал на тележку.

Ребята остановились, с любопытством наблюдая невиданное зрелище. Парень внизу, заметив незнакомцев, вдруг молча протянул им кокос.

— Он нам его дарит, — удивлённо прошептал Дениз. — Давай, Леонка, бери, не бойся.

Леон вышел вперёд, принял орех и пробормотал: «Спасибо». Парень продолжил свою работу. Он увидел, что все трое продолжают стоять, и протянул им ещё один орех. Дениз взял его и поклонился в знак благодарности.

И в третий раз сборщик орехов протянул кокос мальчишкам, которые всё ещё не уходили. Он достался Дею. Юнга улыбнулся парню. Тот улыбнулся в ответ и сказал что-то напарнику на пальме, который, прекратив работу, с интересом наблюдал эту сцену.

Возвращались на корабль, обливаясь потом под нещадно палившими лучами солнца. Решили, что лучшим времяпрождением здесь было бы, пожалуй, купание. Тем более штурман Филикс обещал команде расспросить у лоцмана о месте, где можно и купаться безопасно от акул, и поискать на дне красивые раковины — караколы.

Когда друзья подходили к судну, Дей вдруг озадаченно произнёс:

— Я всё думаю, п-почему тот парень дал нам кокосы? Мы ведь не просили.

— Ещё одну тайну нашёл, местную, — усмехнулся Дениз. — А это и не тайна вовсе. Всё просто!

Юнги остановились и с удивлением поглядели на друга.

— Я догадался, — продолжал Дениз. Он снял кепочку, отёр ею вспотевшее лицо. — Раз мы молча стояли и смотрели, значит, просили. Он так понял. А иначе зачем кто-то будет стоять и смотреть на то, как они работают?

— Видно, так и есть, — согласился Леон. — Мне уже стыдно. Может, вернуть кокосы, отнести назад?

— Можно было бы, — сказал Дениз. — Только как мы объясним отказ от даров? На пальцах не получится.

Решили оставить всё как есть.

На следующий день с судна спустили шлюпку, и было объявлено, что свободные от вахт и работ могут отправиться купаться и загорать.

— Неужели Филикс разузнал про место, где можно понирять за рак-ковинами? — спросил Дей у Дениза.

— Да, но что это была за история! — ухмыльнулся тот. — Лоцман сказал, что местные жители держат в тайне места,

где водятся караколы. Но потом почесал затылок и спросил: «А можете мне принести плоскогубцы»? Принесли. Штурман думает: «Что это он будет делать ими? А лоцман положил плоскогубцы к себе в карман и говорит: «Давай карту — покажу место».

— Показал? — осведомился Дей.

— Конечно, вот на то место и отправляемся. А плоскогубцы тю-тю...

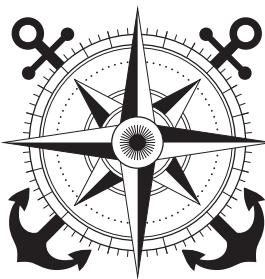
Гребцы навалились, купальная команда быстро прибыла на место, шлюпка встала на якорь. Мореходы разделись и попрыгали в воду. Метрах в ста от берега шумели и пенились от накатываемых волн прибрежные рифы, а на месте купания вода была тихой. Кто-то уже нашёл караколу и победно размахивал ею, вынырнув из воды. Леон с Деем спрыгнули в воду в числе первых, поплавали вокруг шлюпки и тоже стали нырять на дно. Дениз, не умевший плавать, спустился в воду и барабанил посудиной.

Леон тоже вскоре нашёл караколу, полузыпанную песком. Он извлёк её, вынырнул возле шлюпки и попросил Дениза сохранить находку. Потом набрал побольше воздуха и снова нырнул. Пробираясь почти по самому дну в поисках новой раковины, он вдруг почувствовал чей-то взгляд. Приподнял голову и обомлел: огромная страшная рыбина была прямо перед ним метрах в двух. Чудище слегка шевелило плавниками и смотрело в упор. Рыба была похожа на щуку, с выдавшейся вперёд челюстью, а в приоткрытом хищном рту виднелись острые зубы. Взгляд неизвестной рыбины был настолько злобным, что Леону едва не стало плохо. Вспомнив, что при встрече со злой собакой не следует делать резких движений и тем более убегать, Леон стал потихоньку давать «задний ход». Страшилище оставалось на месте и продолжало сверлить его недобрым взглядом. Как только удалось отплыть на безопасное расстояние, Леон, едва уже не задыхаясь без воздуха, пулей вылетел

на поверхность и резво запрыгнул в шлюпку. Лицо его было испуганным, и корабельщики поинтересовались, что так напугало юнгу. Леон рассказал, и один из них воскликнул: «Это же барракуда!» Он схватил весло и стал колотить им по воде в том направлении, где указал Леон. Другой взял отпорный крюк и смело нырнул с ним в воду, чтобы прогнать хищную рыбину.

— Она может и загрызть, — предупредили матросы Леона. — Ты, малец, счастливо отделался.

Глава 10

Делия

Шлюпка ткнулась в чёрный борт «Климентина», моряки полезли по штурмтрапу наверх. Последними спрыгнули на палубу трое друзей. И остолбенели, выпучив в изумлении глаза. Они увидели на мостике самое неожиданное на корабле: девчонку. Худенькая, бледнолицая, с острым носиком и карими глазками, в длинных до пят синих шароварах, в белой блузке и фиолетовой жилетке, с двумя светло-русыми косичками. Она стояла у релингов и с любопытством разглядывала прибывших с купания. Позади неё стоял незнакомый мужчина в костюме песочного цвета и в светлой шляпе.

— Откуда она в-взялась? — ошеломлённо прошептал Дей.

— Кто знает, — так же шёпотом отозвался Дениз, не сводя с незнакомки подозрительного взгляда. — Может быть, с кем-то пришла на экскурсию посмотреть пароход? Такие у нас бывали.

— Ладно, встречаемся в плотницкой, — решил Леон, и друзья разошлись.

Плотницкую ребята давно избрали местом своих встреч и посиделок. Бронк не возражал. Ему даже нравилась эта юная любознательная компания. Однажды во время работы он поинтересовался у Леона, не обижают ли юнг матроны. И получил ответ, что обижать не обижают, но шуточки разные, бывает, отпускают.

— Не бойтесь, не обидят, — заверил плотник. — Вам повезло.

— В чём п-повезло? — удивился Дей.

— В том, что с вами заодно сын капитана, а значит, вы под защитой главного на корабле. Иначе вам бы туда пришлось.

— Но почему? — не понял Леон.

— Юнги — самые незащищённые члены команды. Над ними часто насмехаются. Так всегда было на кораблях — и на военных, и на купцах. Море делает людей жестокими.

— А вот этой тайны мы с тобой ещё не знали, — удивлённо проговорил Дей, когда плотник вышел из мастерской. — Ведь и п-правда нам повезло, что Дениз оказался на этом судне.

— А я думаю, это Господь так устроил, — возразил Леон.

Спустя некоторое время юнги ожидали в плотницкой Дениза. Тот появился в сопровождении своего верного «пажа» Дюка. Лицо друга выглядело озадаченным.

— Это пассажирка, — хмуро вымолвил он. — С отцом. Его фамилия Гренфилд, он — представитель какой-то торговой компании в нашей стране.

— Ну вот! Девчонок нам ещё не хватало, — с досадой протянул Дей. — Этих п-писклявых плакс.

— Отец разместил их рядом с нашей каютой, в лоцманской.

— Где? — переспросил Леон.

— В каюте для лоцманов. Иногда проводка судна бывает долгой, больше суток, и на борт приходит не один лоцман, — пояснил Дениз.

— Ладно, давайте не будем обращать на неё внимания, — предложил Леон.

— Лишь бы она не обращала на нас внимания и не мешалась под ногами, — сумрачно сказал Дениз.

Но этой его надежде не суждено было сбыться.

На следующий день судно снималось из порта, и в предотходной сутолоке о девчонке забыли. Но сама она не дала забыть о себе.

Когда вышли в море и взяли обратный курс, Дениз, скучившийся по штурвалу, выпросил разрешение занять

на время место второго рулевого. Он отстоял уже больше часа, когда боковым зрением заметил стоявшую у релингов на мостице неизвестную фигуру. Повернул голову — девчонка в своих шароварах.

Корабль шёл под парусами, на умеренном почти попутном ветре с незначительной кильевой качкой. Незнакомка с любопытством наблюдала за тем, как сын капитана пошевеливал вместе с матросом штурвал, не отрывая глаз от компаса.

Дениз досадливо поморщился: шпионит девчонка! Правда, его заботило в те минуты и кое-что другое. За несколько дней до прихода в Кайкулио курс судна был постоянным — сто семьдесят градусов. Если «Климентин» возвращается, как объявлено команде, в Диляган, откуда и вышел, то курс по обратному отсчету должен быть триста пятьдесят градусов. А велели держать триста двадцать пять.

Килевая качка:
происходит при переваливании судна носом через волну.

Не выдержав, Дениз обернулся к штурману, вышагивавшему, по своему обыкновению, на мостице туда-сюда, его длинная фигура маячила то справа, то слева:

— Филикс, мы разве идём уже в другой порт, не в Дилиган?

— Почему ты так решил?

— Но курс ведь не триста пятьдесят!

— А, — понял штурман, — верно ты подметил. Нет, мы идём в Дилиган, только твой отец решил сократить путь и задал нам курс мимо островов Сумбаку. Судя по карте, путь между островами вполне судоходный.

В эту минуту девчонка оказалась уже рядом с Денизом.

— А ты что — матрос? — спросила она тонким голоском.

Дениз промолчал, словно не заметил её. Девчонка подошла к нему с другой стороны и повторила свой вопрос.

— С чего ты взяла? — неприязненно буркнул Дениз, не отрывая взгляда от компаса. Разговаривать рулевым на посторонние темы не полагалось, но Филикс к тому времени отошёл к левым релингам и наблюдал за парусами.

— Ты ведь управляешь кораблём, — не отставала пассажирка. — А если ты не матрос, а просто мальчик, то и я могла бы так же порулить.

— Порулить! — презрительно фыркнул Дениз. — Тебе только в куклы играть.

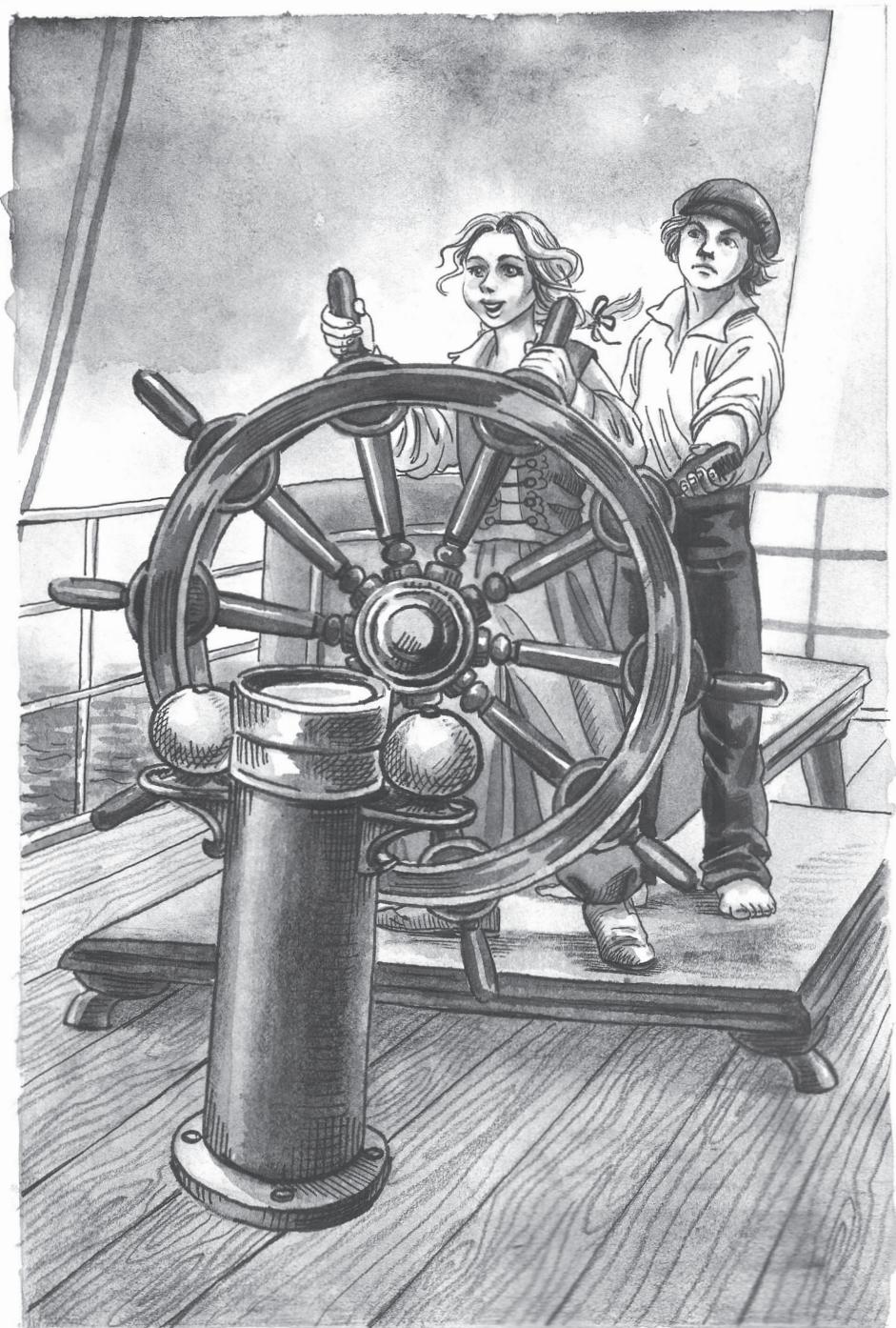
— А вот и нет, — обиделась девчонка. — Сейчас пойду к твоему отцу и попрошу разрешить мне порулить.

Она исчезла, а спустя несколько минут появилась снова и объявила Филиксу, что капитан позволил ей поучиться постоять на руле, если вахтенный штурман не возражает.

— Ну что же, — улыбнулся Филикс, — становись. Пусть Дениз поучит тебя.

Девчонка обрадованно подскочила к штурвалу и схватилась за его «рога», едва не оттеснив Дениза.

— Кстати, как твоё имя, прелестное дитя? — поинтересовался Филикс.

— Делия. И я не дитя, мне уже двенадцать, — отозвалась девчонка. — А тебя как зовут? — обратилась она к Денизу.

— На что тебе? — грубо说道 tot. — Смотри вон на компас, чтобы держать курс триста двадцать пять градусов.

— А как держать курс?

Дениз передал штурвал матросу и начал неохотно объяснять и показывать Делии, как вместе с рулевым удерживать судно на курсе.

Конечно, повторилось всё то же, что бывает, когда человек впервые становится к штурвалу.

— Не лови уток! — недовольно проговорил Дениз. — А возвращайся на триста двадцать пять градусов и старайся удерживать судно на этом курсе.

— Каких уток? — не поняла Делия, не заметив улыбки напарника-матроса.

Дениз промолчал, не удостоив рулевого с косичками ответом, а изредка лишь придерживал штурвал, чтобы «уток» не попадалось слишком уж много.

Наконец Филикс велел второму рулевому матросу, скучавшему в сторонке, занять своё место. Делия со вздохом облегчения уступила ему штурвал, а Дениз отправился вниз.

— А я знаю, как тебя зовут, — услышал он сзади голос девчонки, увязавшейся следом, и снова промолчал.

— Знаю имена и двух твоих друзей, — щебетала Делия, — и что вы — это «Общество корабельных тайн». А меня примете?

Дениз остановился и резко обернулся.

— Шпионишь? — сурово сказал он. — Не слишком ли много ты уже знаешь? И тогда зачем тебе наше общество? Мы разгадываем тайны корабля, а ты-то что смыслишь в этом? И вообще — мы с девчонками не водимся. Куклы нас не интересуют.

— А может, я тоже хочу узнать одну тайну корабля, —
объявила Делия, словно кидая вызов мальчишке.

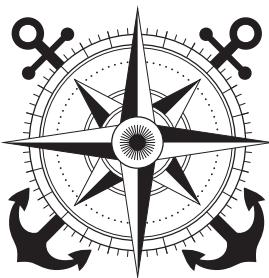
— Че-го? Какую ещё тайну?

— Вот примете, тогда скажу!

Дениз подумал, подозрительно глядя в глаза девчонки и
пытаясь понять, не разыгryвает ли она его, а потом решил:

— Посоветуюсь с парнями.

Глава 11

Почему он не тонет?

В тот же день трое друзей, встретившись в плотницкой, советовались.

— Не надо нам девчонок, от них т-только пуси-муси и нюни, — решительно заявил Дей. — Я вон свою сестрёнку не допускаю до наших с ребятами игр: всегда всё портит.

— Ну не все такие, — возразил Дениз. — Если откажем — разобидится, может начать ещё козни строить.

— Откуда мы знаем, что она может? — рассудительно сказал Леон. — Я предлагаю выдвинуть ей условие.

— Какое ещё условие? — недовольно спросил Дей.

— Пусть скажет нам, какую тайну она хочет раскрыть. А мы посмотрим. Если её тайна годится для нас, тогда примем и начнём все вместе разгадывать.

Так и решили сделать.

Дениз сбежал за Делией, её поставили перед «высоким собранием» и объявили условие.

— Я же сказала: примете, тогда расскажу, — твёрдо заявила Делия.

— Ты тут одна, и т-ты — никто, и ничего ещё не з-знаешь, — неприязненно отвечал Дей. — А нас т-трое: два члена команды и сын самого капитана. Против кого ты выступаешь — п-подумала? И вообще: будешь упираться, выгоним отсюда и гуляй себе!

— Погоди, Дейка, — остановил его Леон и обратился к Делии: — Нам ведь неизвестно, о чём ты хотела бы узнать на корабле. Может, эту твою тайну мы уже давно разгадали. А может быть, это вовсе и не тайна, а всем, кроме тебя, известная вещь.

Делия насупилась, лицо её покраснело.

— Не верите? Ну и не надо! — выкрикнула она в слезах и бросилась вон из плотницкой, едва на запутавшись в попытках в своих широких шароварах.

Ребята обескураженно помолчали, но уже вскоре вернулись к своим делам. Они стали прикидывать, что за тайны может хранить судно, о которых им ещё неизвестно. Ничего не вспомнили, кроме клотика, до которого пока не добрались. Ведь все эти таинственные бом-брам-стеньги, юферсы, штаг-карнаки были для них просто иностранными названиями.

Всё это нетрудно узнать и запомнить, рассуждали друзья, этим не удивишь. А вот, например, тайны об истории старой Библии, или носовой фигуры, которые открыл для них Бронк — совсем другое дело!

Бом-брам-стеньга:
одна из составных
частей мачты
большого парусного
судна.

Дверь распахнулась, и Делия решительно шагнула в плотницкую. Ребята примолкли, вопросительно уставившись на дерзкую девчонку. А та, глубоко вздохнув, хмуро вымолвила:

— Ладно, скажу. Для меня тайна, почему корабли, даже тяжело нагруженные, не тонут. И ещё — почему они с такими высокими и тяжёлыми мачтами не опрокидываются? Вот.

Делия исподлобья ожидающе глядела на ребят, а те молча анализировали услышанное.

— А что, если в школе задать любому этот вопрос? — прервал молчание Леон. — Разве кто-нибудь ответит?

— Куда там! — фыркнул Дей.

— Да мы и сами не знаем, — согласился Дениз.

— Выйди на минутку, — попросил Леон девочонку, — мы посоветуемся.

Оставшись одни, ребята пришли к выводу, что, видимо, придётся принять её, хоть она и не мальчишка.

— Девочонка ведь тоже человек, — глубокомысленно заметил Леон.

Когда Делия вошла, ребята поднялись, каждый молча протянул Делии руку. Это означало: «Ты — в нашем Обществе корабельных тайн».

Девочка улыбнулась, отёрла ладошкой остатки слёз и прошептала:

— Спасибо, мне ведь так скучно здесь одной.

Потом она вновь едва не расплакалась, шмыгнув носиком.

На следующий день капитан позвал ребят к себе. Дениз попросил его от имени «Общества» помочь, как он и обещал, в раскрытии тайн. Боцману капитан велел освободить юнг от работ на палубе для «морской учёбы». Рассадив всех четверых в каюте, капитан сообщил, что рад помочь обществу любознательных.

— Оба ваших вопроса относятся к предмету «Теория корабля», — сообщил он. — Но мы не станем углубляться в эту науку с её расчетами. Это дело кораблестроителей

Штаг-карнак:
снасть (трос),
натянутая
между
мачтами.

и тех, кто водит корабли. А вас я познакомлю с судами в общих чертах. И для начала ответьте мне, о каких самых первых в истории судах вы знаете?

— Это... м-м... лодка с парусом из камыши, — высказался первым Дей. — Я в к-книжке видел.

— Может, сначала был плот? — предположил Дениз.

— А я видела на картинке индейцев в кожаной лодочке, — вставила Делия.

— Наверное, первым морским судном был всё же Ноев ковчег, — рассудительно произнёс Леон.

— Вы все правы, — сказал капитан. — А теперь скажите: чем Ноев ковчег отличался от остальных морских судов?

— А что такое ковчег? — подал голос Дениз.

— Это судно, описанное в Библии, — пояснил его отец. — Кто ещё из вас не слышал о нём?

Дей и Делия промолчали.

— Итак, чем он отличался?

— Он огромный, — предположила Делия, — а остальные тогда были лишь маленькими лодочками.

— Его придумал Сам Бог и сказал Ною, как построить, — добавил Леон.

— А ещё чем?

Не дождавшись ответа, капитан сказал:

— Он был несамоходным, без вёсел и парусов.

— Как баржа что ли? — хмыкнул Дениз.

— Сам ты баржа, — обиженно ответил Леон. — Ковчегу не требовались ни паруса, ни вёсла, чтобы Ной не мог управлять им по своему усмотрению. Но чтобы Сам Бог привёл ковчег, куда задумал.

— Верно подмечено, — улыбнулся капитан. — А подумайте ещё: на каких первых кораблях были главными вёсла,

.....
Юферс:
круглый
деревянный
блок с тремя
отверстиями.

а на каких — паруса? Не знаете? Тогда скажу. Под парусами ходили «купцы», а на вёслах — боевые корабли, галеры. Военачальники не желали зависеть от ветров. Теперь поговорим о вашем вопросе: «Почему корабли, даже гружёные, не тонут?» Вот пример: если опустите на воду коробку и насыпьте в неё песок, она утонет?

— Да, если её полностью заполнить песком, — сказала Делия.

— Значит, если не полностью, то не утонет? — уточнил хозяин каюты. — Вот и для каждого судна рассчитывают, сколько груза можно в нём разместить, чтобы оно уверенно держалось на воде. А как узнать это количество? На борту судна нанесена грузовая марка, или, попросту, заметная черта. Когда судно, которое грузят, осело в воде по эту черту, значит, грузить больше нельзя.

— А у «Климентина» тоже есть грузовая марка? — поинтересовалась Делия.

**Надстройка:
закрытое
сооружение
на главной
палубе судна.**

— Разумеется. Когда береговой человек поднимается во время погрузки на борт судна, то на что он обычно обращает внимание? На мачты, надстройки, трубу... А судовой взглянет на грузовую марку: сколько остаётся погрузить.

Капитан задумался немного, а потом продолжил:

— Наша юная пассажирка интересуется, отчего это корабль не опрокидывается, даже на волне. На парусниках при постройке укладывают и постоянный груз, балласт, в самом низу, у днища. Обычно это тяжёлые камни. Балласт и «выпрямляет» судно при крене, возвращает в вертикальное положение. А когда появились металлические суда, то балластом для них стала забортная вода. Её закачивают в специальные ёмкости — «танки». Они тоже расположены в самом низу корпуса.

— А крен бывает опасным? — спросил Леон.

— Бывает, — кивнул капитан. — Его тоже рассчитывают. Он может появиться, если, например, часть груза сместится к одному борту. Или под влиянием ураганных волн, когда они бьют прямо в борт. Поэтому во время шторма корабли удерживают попперёк волн, чтобы не возник опасный крен и судно не упало.

— И часто бывают такие оп-пасные моменты? — спросил Дей, невольно поёжившись.

— В море всякое случается, — сказал капитан, погладив рукой подбородок. — Поэтому открою вам ещё одну тайну про нас, мореходов. Мы делим людей на три группы: живые, мёртвые и те, кто находится в морском плавании.

— Прямо как мы! — уточнил Дениз.

— Да, и эти последние вынуждены делать всё возможное, чтобы оставаться в числе первых.

— Живых, — поняла Делия.

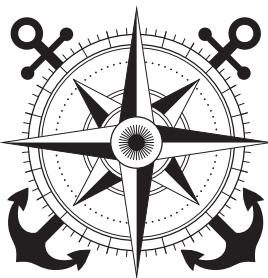
— И ещё задам вам вопрос: «Из чего состоит корабль?» — спросил капитан.

— А я знаю, — поднял руку Дей, как в школе. — Из корпуса, мачт, па-парусов, тросов.

— И клотиков, — хихикнул Дениз.

— Может быть, расскажешь нам тогда, из чего же состоят корпус, мачты, паруса, тросы? — обратился к Дею капитан. — Нет? Значит, мне придётся рассказать вам обо всём этом. И о клотиках тоже. Вставайте, пойдём со мной, я покажу вам, из чего состоит всё то, на чём мы с вами сейчас идём в океане. И вы увидите, почему судно не тонет и не опрокидывается.

Глава 12

Пираты

Большой гористый остров, покрытый густой зеленью лесов, медленно проплывал мимо «Климентина». Слишком медленно. Корабль шёл под парусами на слабом ветре. А здесь, среди островов, ветер и вовсе будто истощился.

Капитан велел механику Нейтону развести пары, потому что некоторые паруса начинали уже провисать. Солнце скатывалось к горизонту. Свободные от вахт матросы выбрались на палубу подышать свежим воздухом, поглязеть на острова, которые медленно проплывали слева и справа, по обе стороны прохода шириной не более мили. Земля всегда и везде притягивает взоры морских странников.

Четверо юных любителей тайн сидели на крышке трюмного люка, болтая ногами.

— Эй, юнги! — послышался трубный голос боцмана, появившегося из-за надстройки. — Ветер кончается, а ну-ка дуть изо всех сил в паруса, бездельники, не то придётся нам лечь в дрейф!

Послышался смех матросов.

— Боцман, твои паруса уже не спасут, — звонко выкрикнул в ответ Дениз, — даже если ты сам будешь дуть. Теперь лучше надейся на кочегаров.

— Когда ещё эти поджаренные камбалы разогреют свою печурку, — проворчал Финбар, подходя к трюму и осматриваясь.

— Гребное судно в нашу сторону справа сто двадцать! — раздался с мачты крик вперёдсмотрящего.

— Что это, интересно, за посудина? — проворчал боцман, вглядываясь в сторону большого острова в указанном направлении.

Штурман навёл зрительную трубу и тут же в переговорную трубу вызвал капитана.

На палубе зашевелились.

— Что там? — спросил капитан, поднявшись на мостик вместе с Гренфилдом, отцом Делии. С ним капитан нередко проводил время, беседуя о том о сём или играя в шахматы.

— Большая лодка, восемь гребцов и ещё несколько человек, кажется, с луками и стрелами, — передавая зрительную трубу, доложил Филикс не без тревоги в голосе.

Все, кто был на палубе, собрались у правого борта, вглядываясь в приближавшуюся посудину. А она быстро додогнала «Климентина», терявшего ход.

— Кто же это может быть? — недоумённо промолвил капитан, не отнимая от глаз зрительную трубу.

— Кто угодно, — заметил Гренфилд. — Здешние острова живут сами по себе и не признают материковых властей.

— И что это значит? — обернулся к нему капитан. — Это могут быть пираты?

Его собеседник пожал плечами.

— Но у нас даже нет оружия, — забеспокоился капитан.

— Надо узнать, для чего они прибыли, — сказал отец Делии. — Я понимаю здешние наречия.

— Вот и поможете нам в этом, — согласился капитан.

Между тем неизвестная лодка приблизилась к «Климентину». С десяток темнокожих полуголых островитян, сидевших позади гребцов, поднялись и навели на столпившихся у борта матросов луки со стрелами. Гренфилд громко осведомился у прибывших, что им надо, и получил ответ: «Остановить судно для досмотра».

— Но здесь нет ни порта, ни портовых властей, — быстро сказал капитану отец Делии. — Это явно разбойники.

Капитан обернулся, взглянул с надеждой на трубу. Из неё сеялся лишь слабый дымок, и это говорило о том, что пары ещё не подняты и дать ход машине не удастся. Нечем было и отбиться от островитян.

На торговых судах после заката эры пиратства давно уже не держали ни пушек, ни иного оружия.

Матrosы из-за наведённых на них стрел отпрянули и рассеялись по палубе, а на борт полетели снизу крючья на верёвках, и с десяток дикарей вмig влетели на судно. Они

приняли верёвку с лодки и закрепили её. Один из лучников в чёрно-красной повязке на голове вскочил на мостик, выхватил нож и, свирепо сверкнув глазами, велел остановить судно. Капитан, помедлив, вздохнул обречённо и дал приказ боцману, который вместе с матросами ожидал распоряжений. Финбар засвистел в свой свисток и гаркнул: «Убрать паруса!» Люди на палубе полезли на реи, принялись подбирать и крепить полотнища парусов.

Прикинув, что течение очень слабое, капитан решил не становиться на якорь. Это давало возможность быстрого манёвра при благоприятном стечении обстоятельств. «Климентин» очень медленно начал дрейфовать по проходу между островов.

Рей:
*висящие попрёк
 мачты «деревья»
 для крепления
 к ним парусов.*

Отец Делии поинтересовался у разбойника в повязке на голове, явного главаря, нужны ли судовые документы. Но дикарь объявил: нужны, мол, деньги и ценности всей команды. Тем самым он раскрыл окончательно цель вооружённого визита.

— Он говорит, что в противном случае его люди перебьют всех на борту и сожгут корабль, — пояснил капитану добровольный переводчик.

— Объясните им: чтобы собрать ценности, потребуется время, — решил капитан.

— Он сказал, что его люди сами соберут.

Главарь что-то крикнул стоявшим наготове с луками, те передали сидевшим в лодке, и вместе с вылезшими гребцами «гости», угрожая оружием, стали сгонять моряков к грот-мачте. Там им связывали руки и ноги и бросали на палубу. Четверо ребят успели ускользнуть в плотницкую и запереться изнутри. В дверной иллюминатор им было видно, как разбойники разошлись по помещениям, похоже, в поисках добычи.

Связанной оказалась вся команда вместе с капитаном, кроме механика и кочегаров. Те тоже заперлись в машинно-котельном отделении и продолжали разводить пары.

Вскоре дёрнулась дверь плотницкой, в неё стали колотить снаружи. В трепете ребята притихли. Дубовая дверь не поддавалась, разбойники в иллюминатор не увидели спрятавшихся ребят и отступили.

— Это грабители, — взволнованно прошептал Дениз. — О нет! Они ведь сейчас заберут всё ценное! И у нас в каюте, и на мостице — часы, хронометр, зрительную трубу, секстан, картины, деньги в сейфе отца. И Дюка могут прибить... о нет!

— Старинную Библию тоже могут взять, она у меня под подушкой, — тревожным шёпотом произнёс Леон. — Надо что-то делать!

— А что мы можем з-здесь взаперти? — мрачно проговорил Дей.

Тягостная тишина нависла в плотницкой.

— Я знаю, что мы можем сделать, — прозвучал вдруг голосок Делии, и мальчишки с удивлением уставились на девчонку. — Мы можем освободить команду...

— Ага, и снабдить её оружием, — перебил её Дей.

— Верно! — воскликнул Леон, но спохватился и прикрыл рот рукой, продолжив шёпотом: — У Бронка здесь полно заготовок в ящике вроде толстых палок. И его нож в гнезде вон торчит.

— Но нам же не пробраться к гrot-мачте, — горячо возразил Дениз. — Как только выйдем, нас сразу увидят.

— А здесь сзади есть иллюминатор, он открывается изнутри, — напомнил Леон.

— В него только к-кошка пролезет, — не согласился Дей.

— И я, — вновь подала голос Делия. — И я пролезу. Я ведь худенькая, правда? А вы поможете мне.

Ребята ошеломлённо взглянули на девчонку. Никак не ожидали от неё такой решительной смелости.

— Ты что же, готова пробраться к команде? — с надеждой и одновременно с недоверием спросил Леон.

— Страшно, — призналась Делия и даже съёжилась при этом. — А что нам остаётся делать?

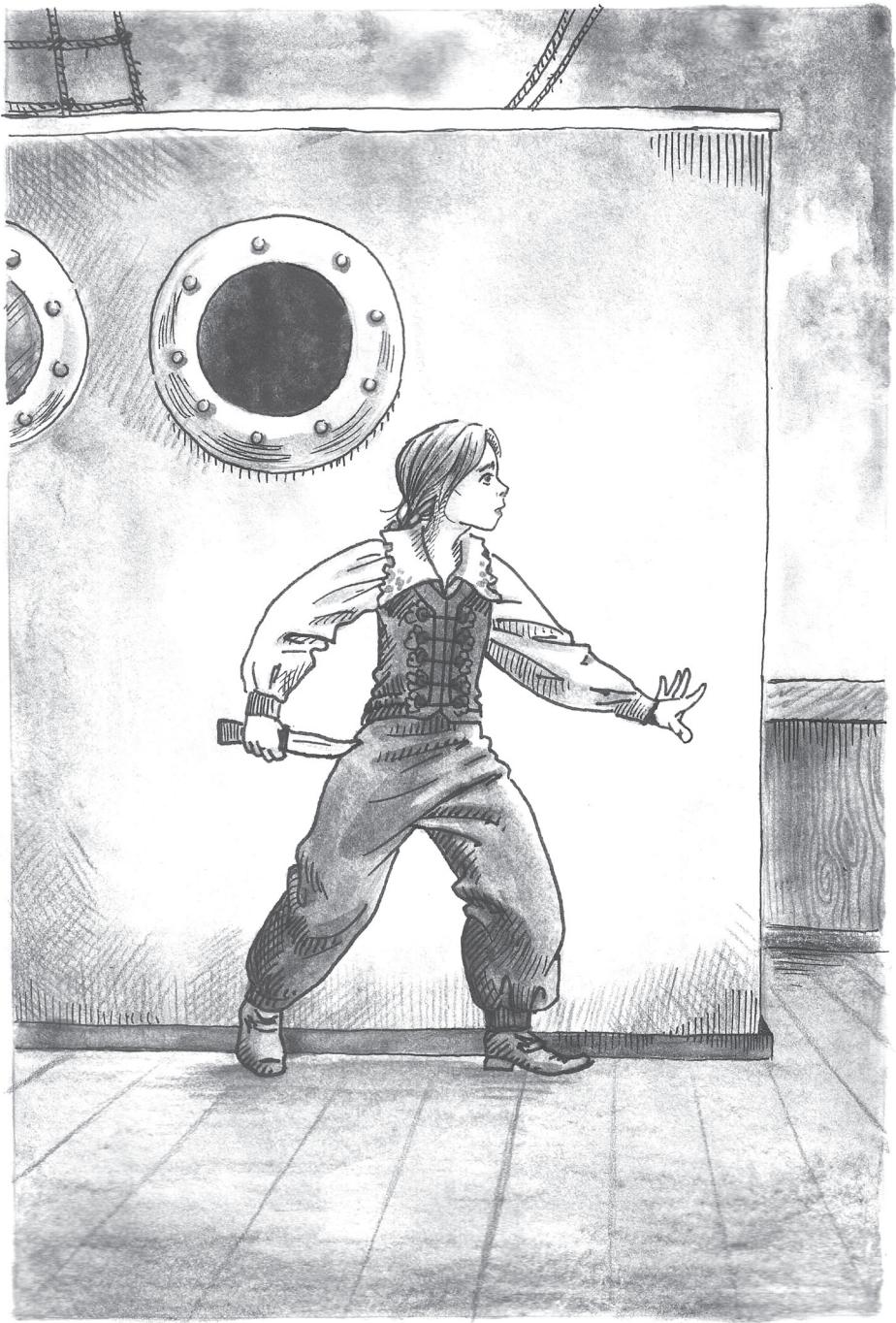
Вы ведь слышали: они грозились сжечь судно. И сожгут вместе со всеми нами, чтобы не осталось свидетелей.

— Давай! — решил Леон.

Он бросился к стеллажу, выхватил из гнезда нож плотника в кожаном чехле, сунул его в руку Делии и принялся откручивать барабанки иллюминатора в задней части помещения. Когда всё было готово и Делия, дрожа от нахлы-
.....

Барашек:
*фигурный
болт с резьбой
для плотного
прижимания
иллюминатора
при его
закрытии.*

нувшего страха, стояла перед раскрытым иллюминатором, Леон упал вдруг на колени и в горячей молитве попросил у Бога помочи в спасении экипажа и судна.

Потом трое ребят подняли Делию, которая вытянула руки, и начали осторожно просовывать её в иллюминатор. Полтуловища уже было снаружи, но вдруг дело застопорилось. Мешали шаровары. Ребята втащили девчонку обратно и стали засовывать её вперёд ногами. С большим трудом, видя, как морщится от боли их подруга, им удалось всё же вытолкнуть её худенькое тельце наружу. Она шлёпнулась на доски палубы, огляделась с опаской и, всё так же дрожа от страха, стала по-кошачьи пробираться с зажатым в руке ножом к гrot-мачте, прячась за бухты троса, ящики, бочки.

Вскоре она вернулась с тремя освобождёнными от пут матросами, и ребята передали им в иллюминатор заготовки плотника — с дюжину увесистых палок.

Грабителей обезвредили палками, кого где застали врасплох. И вскоре все они со связанными руками и ногами валялись на палубе, как и всего полчаса назад члены команды. В мешках разбойников обнаружились все ценные вещи, принадлежавшие и судну, и членам команды. К радости Леона, нашлась и старинная книга с позолоченным корешком — Библия. Дюк оказался невредимым: учув опасность, он забился в какой-то тёмный угол и остался незамеченным. А уж как он радовался освобождению! Довольный, вилял хвостом, а потом долго лаял на связанных разбойников. Капитан, увидев невредимым Дениза, молча обнял его. Отец Дели прижал дочь к себе, назвал умницей, храброй девочкой. С уважением посматривали на Делию и освобождённые моряки.

Наконец капитан велел отправить на марс вперёдсмотрящего, и вскоре тот прокричал сверху, что видит ещё одно гребное судно. Оно тоже полно людей и направляется в сторону «Климентина». Это грозило новой опасностью.

Взбежав на мостик вместе со штурманом и вахтенным матросом, капитан вызвал в переговорную трубу машинное отделение и узнал от механика, что пар уже на марке и можно давать ход судну.

Через минуту корпус корабля дрогнул, и «Климентин», взбурлив винтом за кормой, медленно двинулся вперёд. Матросы разошлись по местам, лишь боцман и ещё трое с палками остались охранять разбойников.

Капитан снова связался с механиком и повелел сжечь лодку разбойников. Спустя несколько минут кочегар с угольщиком подняли наверх и высыпали в лодку за бортом горящий уголь со шлаком. Боцман выхватил из-за пояса нож, отрезал верёвку, и задымившаяся лодка разбойников, скользнув вдоль борта, осталась за кормой корабля.

Между тем второе гребное судно быстро приближалось к «Климентину», не успевшему ещё набрать ход. Моряки снова сошлись на палубу и с тревогой наблюдали за очередными пиратами. А те, обойдя дымящуюся лодку, были уже недалеко от кормы судна.

— Боцман! — крикнул капитан и красноречивым жестом указал за борт. — Только развязжите, чтобы не утонули!

Финбар и три матроса стали обрезать разбойникам одному за другим их путы и выбрасывать незваных гостей в море. Барахтавшихся в воде пиратов стали подбирать плывшие на лодке. Движение её замедлилось, и «Климентин», набирая ход, стал удаляться от негостеприимных обитателей Сумбаку.

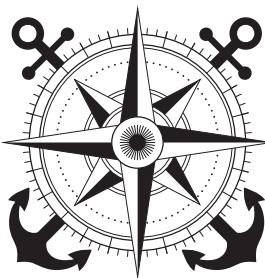
— Вот вам и жертвы, которых по их собственной вине выкидывают в море, — глубокомысленно произнёс Дениз.

— Для благополучия корабля и его к-команды, — добавил Дей.

Все четверо юных мореплавателей стояли на корме в лучах заходившего солнца и смотрели на эту незабываемую картину счастливого исхода, к которому, так уж случилось,

и сами приложили руку. Особенно Делия, которая оказалась отчаянно смелой. Она всё ещё дрожала — то ли ещё от страха, то ли от нахлынувшей предвечерней прохлады. Она осторожно прижалась к Леону, пытаясь согреться. А он неподвижно стоял, замерев от этой неожиданности.

Глава 13

Страшно?

Выбравшись из цепи опасных островов, «Климентин» устремился в открытый океан. Он шёл под всеми парусами с потухшим котлом, слегка раскачиваясь с борта на борт. Обратный курс в Дилиган лежал в стороне от пути, которым корабль шёл в Кайкулио.

Команда отошла от пиратских потрясений и занималась обычными делами, неся вахты. Леон уже привычно намывал шваброй верхнюю палубу, а Дей орудовал рычагом насоса. Солнце скрылось в туманной дымке, спал палящий зной. Вокруг не было ничего примечательного, сплошь только бесконечные океанские воды.

Швабра едва не наткнулась на ноги в синих шароварах и лёгких сандалиях. Леон поднял голову. Делия с улыбкой наблюдала за его работой. Он остановился.

— Ты чего здесь?

— А дай мне эту штуку, я тоже хочу помыть пол.

Леон усмехнулся:

— Эта штука называется шваброй, и пола на корабле нет, только палуба.

— Ну и пусть. Дай мне эту швабру. Пожалуйста.

— Попробуй, если так уж хочется! — Леон передал девочке свой «инструмент» и отступил в сторону.

Делия принялась неумело возить тяжёлой шваброй по доскам, и эта работа давалась ей с большим трудом.

— Для чего её мыть каждый день — она ведь и так чистая, эта палуба! — с лёгким раздражением проворчала девочка, тяжело дыша.

— Я тоже спрашивал об этом у боцмана, — сказал Леон. — А он объяснил: чтобы не рассыхались без воды доски и палуба не давала течи.

— Дочь, я вижу, ты уже нанялась в матросы, — услышали ребята голос Гренфилда, подошедшего к ним.

Делия остановилась, откинула со вспотевшего лба прядь волос.

— А кем ещё я могу наняться здесь, папа?

— Ну помощником капитана, например, — улыбнулся отец девочки. — Ты ведь уже управляла этим кораблём.

— Всё шутишь? А я бы хотела. Если поможешь мне выучиться на штурмана.

— О, и тогда ты станешь первой в истории женшиной-капитаном. А я буду гордиться своей дочерью.

— А мне отец рассказывал, что встречал женщин-шкиперов, — сказал Леон, — где-то далеко на Севере. Они управляют шхунами. Кажется, почтовыми. — Он повернулся к девочке: — Делька, а ты что, и правда хотела бы стать моряком?

— Мне нравится в море, — уклончиво ответила Делия, возвращая Леону швабру. — И меня не укачивает.

— А пираты разве не пугают? — спросил отец.

— Пугают, — призналась дочка. — Но ведь и с ними можно, оказывается, справиться.

— Да, вы, ребята, большие молодцы, — воодушевлённо произнёс Гренфилд. — Без вашей помощи наше плавание могло бы закончиться трагически.

— Это всё она, — кивнул Леон в сторону Делии, вновь взявши за швабру. — Мы только помогали.

— Вот что. Заходите сегодня вечерком к нам в каюту, — предложил Гренфилд. — Все втроём. Выпьем чаю, поболтаем.

После этих слов он вернулся в надстройку, а Делия уже через минуту была рядом с Деем.

— Что ты делаешь?

— Не видишь, что ли? Воду откачиваю, — не отрываясь от работы, пробормотал Дей, тяжело дыша.

Вода по мере качания, булькая, выливалась из трубы откуда-то снизу и тонким ручейком убегала по палубе за борт.

— А зачем?

— Как зачем? Чтобы корабль не потонул.

— Как это?

— Как, как... п-плотник рассказывал, что корпус постепенно расшатывается, через щели между досками поступает вода. Если её не откачивать, она накопится у д-днища, может выступить оттуда и залить всё...

— А дай мне покачать.

— Тебе не справиться — силёнок маловато.

— Ну пожалуйста!

— Ладно, попробуй.

Дей уступил девочке место у рукояти. Она потянула её вверх, но ничего не получилось. Тогда Делия повисла на ней, подогнув ноги, и рукоять подалась вниз. Вытянуть её снова вверх не удалось.

— И правда мне не справиться, — разочарованно проговорила она и вновь уступила место Дею. — Папа зовёт вас троих вечером к нам в каюту.

— А зачем? — спросил Дей, принимаясь орудовать рычагом.

— Просто так, — пожала плечами Делия, — поговорить, попить чаю. Вы понравились ему. Придёте?

— Наверное. К-как парни решат.

Вечером друзья собирались в маленькой лоцманской каюте. Они увидели там двухэтажную металлическую койку,

небольшой стол, два стула, шкафчик-рундучик и подвесную керосиновую лампу.

Мальчики узнали, что отец Делии служил заместителем управляющего торговой компанией в её представительстве в Кайкулио. Его семья провела там три года. Мама Делии заболела тропической лихорадкой и умерла год назад.

Гренфилд рассказал, что он слышал о том, как Леон с Деем оказались в плавании. Это очень заинтересовало его, и теперь он попросил ребят подробнее рассказать о своих морских приключениях. А слушая, с удивлением качал головой и что-то наскоро записывал.

— То, что произошло с вами, поразительно! — сказал он наконец. — Особенно тот факт, что вы решились на рискованное морское путешествие в охоте за тайнами.

Юngи скромно потупили головы.

— И даже вовлекли в своё общество тайн Дениза, а теперь — и мою дочь...

— Никто меня не вовлекал, — возразила Делия. — Я сама вовлеклась. Просто сказала, что тоже знаю тайны корабля. А сегодня я узнала ещё одну тайну, — загадочно добавила девочка, обращаясь к ребятам, — от папы.

— Да? Какую? — нетерпеливо спросил Леон.

— Ну... Это его тайна.

— Что ж, открою вам её, — улыбнулся Гренфилд. — Дело в том, что о ваших приключениях я собираюсь написать книгу. Потому и расспрашивал вас обо всём так подробно.

— Ну как вам эта тайна? — расплылась в улыбке Делия.

**Рундучок:
шкафчик
для одежды.**

— Нас ведь з-засмеют, — пробормотал Дей.

— Полагаю, напротив, вам станут завидовать, — возразил отец девочки. — Впрочем, пусть это вас не смущает. Я могу изменить ваши имена и название судна.

— А о дочке вашей будет говориться в этой книге? — по-любопытствовал Дениз.

— Думаю, да. То, что она совершила при нападении пиратов, конечно, достойно пера.

— Она храбрая, — подтвердил Леон.

— Я трусиха, — тихо сказала Делия. — Знали бы вы, как мне было страшно!

— Трусиха не решилась бы на такое, — сказал отец Делии. — Ты ведь не боишься даже спать здесь на верхней койке, — улыбнулся он.

— Да, не боюсь, — кивнула девочка и добавила, вызвав всеобщий смех: — Но мне страшно.

Это «не боюсь, но мне страшно» ребята увидели своими глазами на следующий день. После работ юнги вместе с Денизом взобрались на марс, как это нередко бывало. Сверху они любовались бликами моря под косыми лучами солнца, которое скатывалось к закату, и болтали о всяких разностях.

Судно шло ни шатко, ни валко на едва заметном ветерке, и качки не ощущалось. Это и радовало друзей, ведь при качке корабль «размахивал» мачтами, и сидеть наверху, а тем более влезать туда по вантам не представляло удовольствия, да и опасно было.

Внизу что-то зашуршало. Ребята свесили головы и обомлели: они увидели две косички прямо под площадкой. Девчонка пыталась влезть на марс. А ведь до этого она и к вантам-то приближаться боялась. Лишь с завистью посматривала на ловких мальчишек.

— Делька, ты чего?.. — пробормотал Дениз, который первым пришёл в себя. — Ты как это... залезла?

— Помогите, — пропищала девочка.

Ребята спохватились, схватили её за руки и втащили на площадку. Они и втроём-то здесь с трудом помещались, а теперь стало так тесно, что все четверо вынуждены были сидеть, плотно притиснувшись друг к другу и крепко держась за снасти. Леон ощутил, как Делия дрожит, и, скосив глаза, заметил её испуганный взгляд.

— Ты зачем здесь? — спросил Леон так мягко, как мог.

— Я... я хотела узнать, не страшно ли вам здесь, — проговорила Делия.

— Узнала?

— Мне самой ужасно страшно, — всхлипнула она.

— А отец знает?

— Будет сильно ругать, если увидит.

— Надо спускаться, пока не увидел, — посоветовал Дениз.

— Я боюсь, — снова всхлипнула Делия, взглянув вниз.

— Ничего, Делька. Залезать не боялась — не трусь и с-спускаться, — постарался успокоить её Дей. — Мы тебе поможем.

— Но как? — едва не в панике воскликнула девочка.

Вантины:
снастии
такелажа,
раскреплённые
между бортами
и мачтой.
С верёвочными
ступеньками
представляют
из себя «ванты».

— Давайте так, парни, — решил Леон. — Я иду первым, Делька садится мне на плечи, держится за вантины, а ты, Дейка, спускаешься по соседней ванте и поддерживаешь её одной рукой, чтобы не боялась.

— Мне всё равно страшно, — пропищала девочка.

— Тогда снимать тебя отсюда придётся матросам, — предупредил Дениз.

— Как это? — испуганно спросила Делия.

— Обвязут тебя беседочным узлом и через блок станут опускать, как бочку, в трюм, — объяснил Дениз. — А команда на палубе будет смотреть и хихикать.

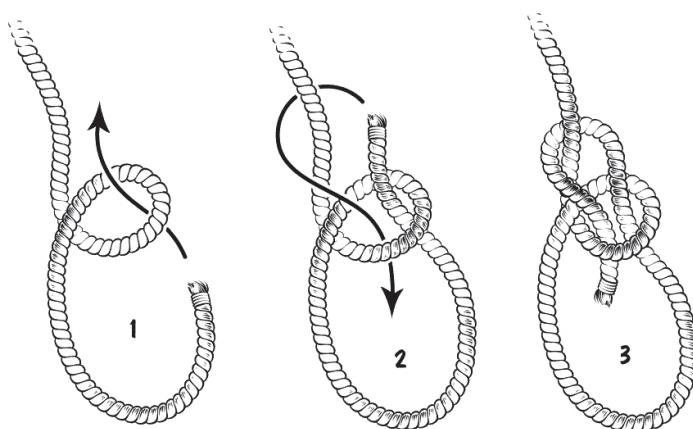
— Ну ладно, слезу с вами, — обречённо согласилась Делья, всё ещё крепко держась за снасть.

Спуск закончился благополучно. Отец не заметил этой выходки дочери.

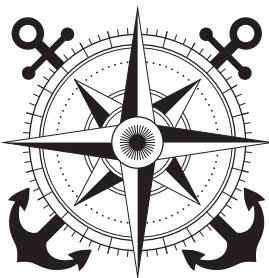
И когда ребята уже стояли на палубе, Леон, положив руку на её худенькое плечико, сказал:

— И всё-таки ты храбрая, Делька.

— Правда? — прошептала она, и искорки радости засвертились в её глазах.

Беседочный узел:
*морской узел, позволяющий
сидеть в нём, вися на канате.*

Глава 14

Кораблекрушение

Чего никто не ожидал на «Климентине», так это сильнейшего шторма в такую летнюю пору. Он налетел с востока так быстро, что команда под крики и ругань боцмана едва успела убрать паруса при виде густой небесной мглы, надвигавшейся с правого борта. Лишь штормовые паруса оставили на мачте, чтобы хоть как-то удерживаться поперёк волн.

Боцман с матросами спешно задраили все люки — вентиляционные, световые и все двери, выходившие на главную палубу. На дрейфующий с плавучим якорем корабль стали обрушиваться тяжёлые гребни волн. Штурман и рулевые матросы привязали себя к стойкам, чтобы не смыло за борт. Капитан приказал разводить огни в котле, поднимать пары.

Юнгам велено было не высовывать носа наверх, и оба они сидели в жилом трюме, немало испугавшись сотрясений корпуса от волн, яростно бивших в скулы судна, когда нос «Климентина» то взмывал вверх, то резко падал вниз.

К вечеру удалось запустить машину. Но её сил хватало лишь на то, чтобы помогать судну устойчивее держаться против волн. А они стремились развернуть корабль бортом и опрокинуть его. Морские штормы всегда стремятся разрушить и утопить всё на своём пути.

Капитан в непромокаемом плаще с капюшоном неотлучно стоял на мостице, заливаемом водяными вихрями, и наблюдал за дрейфом. Штурман доложил ему о том, что судно сильно сносит в неизвестный ему район: на карте данные этих широт оказались скучными.

Так в тревоге под вой ветра и удары волн прошли двое суток. Ночью на третий день «Климентин» вдруг гулко содрогнулся и начал крениться. Внутри загрохотало, затрещало, послышались тревожные возгласы. И корабль, со скрипучим стоном заваливаясь на левый борт, стал оседать кормой. Треснули бортовые доски, в щели хлынула вода.

— Налетели на рифы! — послышались тревожные возгласы, и люди принялись поспешно выбираться на верхнюю палубу. А там — тьма, крики, беготня... Кто-то бросился к шлюпкам, другие стали хватать спасательные круги...

Вдруг судно остановилось и замерло, накренившись.

Начинало светать, и ветер утихал. Люди, скопившись на верхней палубе, увидели неподалёку тёмную массу — похоже, это был неведомый остров. Послышались команды «спустить шлюпки», «всем покинуть корабль, захватив всё необходимое для выживания на острове».

Леон с Деем в суматохе ничего не успели взять с собой и спустились в шлюпку, дрожа от холода и страха прямо так, в чём были. Дениз сидел в лодке, крепко прижимая к себе Дюка.

К усеянному подводными камнями лесистому берегу осторожно приближались шлюпки, подгоняемые волной. Но всё же обе шлюпки, переполненные людьми и вещами, попали на камни. Треск, вода снизу и сверху! Корабельщики

спрыгивали в воду, где была глубина по грудь, и выбирались на песчаный берег, подгоняемые волной прибоя.

Они стояли на песке, мокрые с головы до ног и подавленные, не в силах отвести глаз от бедного «Климентина», застрявшего в двухстах-трёхстах саженях от берега. Корабль почти развалился на две части. Корма осела глубоко в воду, а носовая часть возвышалась, опираясь на подводные скалы. Трепетали на мачтах обрывки штормовых парусов, которые не успели убрать. И уже не дымила чёрная труба, косо нависшая над водой.

Капитан в своём мокром плаще велел штурману проверить, все ли спаслись. Оказалось, что все. С угрюмыми лицами они стояли на незнакомом берегу, озираясь по сторонам. Наконец решено было разведать, насколько большой остров, есть ли поблизости пресная вода, а в лесу — пища и материалы для устройства жилья.

В поход отправились боцман, плотник и Гренфилд-переводчик с группами матросов. Ребятам на разведку пойти не позволили. Они уныло бродили вчетвером вдоль кромки леса в надежде увидеть что-нибудь полезное.

Но берег оказался пустынным, а всё полезное осталось на «Климентине». Добраться же до него казалось теперь нереально: между кораблём и берегом на рифах всё бурлило от набегавших волн. Шлюпкам поэтому пришлось обходить рифы стороной, и обходной путь был длинным — не менее двух миль. Словом, попасть на судно было не на чем.

Разведывательные группы вернулись ближе к вечеру. Выяснили, что этот таинственный гористый остров необитаем, по форме напоминает треугольник. Один угол — это мыс, далеко выдавшийся в открытое море. Недалеко от места высадки есть ручей. Встречались редкие деревья с неизвестными маленькими плодами. Брать их не решились: в тропиках бывает немало ядовитых растений. В центре острова увидели гору-вулкан со следами выжженной зем-

ли и пролившейся с горы лавы. Тревогу вызвало содрогание земли близ горы и глухое клокотание где-то внутри неё. Впрочем, спасшимся стало теперь понятно, отчего качнулась земля под ногами вскоре после высадки: рядом был действующий вулкан!

По всему выходило, что выжить какое-то время можно лишь ловлей рыбы да теми остатками продовольствия, которые были на корабле. И то, если кладовая не оказалась затопленной и если найдётся способ добраться до судна. Но неизвестно было, насколько прочно «Климентин» сидит на камнях и не развалится ли он в любую минуту, уходя на глубину. Уже сломалась и упала фок-мачта, и лишь сиротливо торчали накренённые грот-мачта и чёрная труба.

Между тем натаскали из леса сухих веток, разожгли костры и с наступлением темноты стали укладываться кое-как спать. Слышались вздохи, сердитые возгласы и безутешные разговоры о будущем, которое виделось беспросветным, а скорее всего, гибельным. Если не от голода, то от тропических болезней или от извержения вулкана.

Ничтожной была и надежда на спасение. Матросы слышали, как штурман сообщил механику, что остров, похоже, лежит не на путях морских судов. Следовательно, даже дым большого сигнального костра никто не заметит. Поэтому, хотя потерпевшие кораблекрушение время от времени и вглядывались невольно в безрадостную даль пустынного моря, ничего спасительного заметить там, правду сказать, и не надеялись.

Наутро принялись за устройство жилищ. Люди объединялись группами, строили шалаши, навесы. Делия с Денизом оказались в большом шалаше вместе с капитаном и Гренфиллом. Плотник в своём жилище из бамбука и пальмовых листьев приютил юнг, помогавших ему в строительстве. Спасало то, что ночь была тёплая, а день — жаркий. Но приближался конец лета, а что будет дальше: тропические бури,

ливни, стужа? Этого никто не знал, и было даже страшно думать о предстоявшем. В общем настроении трёх десятков мореходов-бедолаг, оказавшихся на диком пустынном острове, наблюдалась полная безысходность.

Четверо юных друзей, сойдясь вместе, удручённые, мало разговаривали. Они лишь обсуждали, что можно придумать, чтобы выжить и спастись. Но ничего толкового в их головы не приходило. Ребята заметили, что Леон время от времени неотрывно глядит в сторону «Климентина». А иногда отходит в сторону и стоит на коленях, склонив голову в молитве.

За многие недели плавания им впервые завладела тоска по дому, а с ней — и стыд за свой побег.

Ребята заметно осунулись. Они недоедали. Как и все, питались от быстро таявших запасов: пары мешков сухарей, которые наспех захватили с судна толстый кок с помощником.

Делия часто не могла сдержать слёз.

Появились плетёные ловушки, возле некоторых костров запахло жареной рыбой.

Как-то ранним утром, пока плотник ещё спал в ворохе сухой травы, служившей ему постелью, юнги отправились ловить между камней редкую мелкую рыбёшку. С собой они захватили ловушку. На берегу их уже ждали Дениз, Делия и Дюк. Когда ребята вошли в воду и стали устанавливать ловушку, Леон, не сказав ни слова, внезапно побежал в сторону рифов, бросился в воду и поплыл к «Климентину». За ним кинулся и Дюк, но остановился у воды и, вертя головой, с недоумением следил за уплывавшим парнем.

Друзья застыли от неожиданности и лишь спрашивали друг у друга: «Чего это он?» Потом спохватились и поспешили к тому месту, где Леон кинулся в воду и откуда за ним с волнением следил Дюк. Все трое молча следили за тем, как, борясь с бурунами, их друг плыл к кораблю. Несколько раз голова Леона то скрывалась, то снова показывалась

над водой. Ребята не знали, что делать, и лишь беспомощно оглядывались.

Наконец фигура юнги промелькнула в том месте, где носовая половина судна частично торчала из воды. Он взобрался на палубу и исчез из виду.

В лагере послышались голоса, начали просыпаться и вылезать из шалашей члены команды. Кто-то направлялся к воде в надежде поймать рыбёшку для пропитания.

— Может, позвать кого-нибудь? — нерешительно произнесла Делия.

Ребята не успели ответить ей, как вдалеке снова показалась фигура Леона. Он держал в руке какой-то предмет. Осторожно спустился в воду и поплыл назад к берегу, подняв одну руку со свёртком над водой. Теперь ему было труднее плыть. Он чаще взмахивал рукой, постоянно выплёывал попадавшую в рот морскую воду. Порой он во все останавливался, лишь держась на поверхности, чтобы отдохнуть.

— Он же утонет! — прошептал Дей.

Не выдержав, мальчик скинул с себя куртку, бросился в воду и поплыл навстречу другу. Вскоре друзья плыли рядом, а Дей поддерживал руку Леона, в которой был свёрток. Денизу с Делией было хорошо видно, с каким трудом мальчики боролись с бурлящей водой.

— Они могут захлебнуться! — жалобно пискнула Делия.

Она быстро сняла с себя шаровары, и её тоненькие ножки в белых панталонах засеменили к воде. Через минуту девочка уже плыла к ребятам.

На берегу поскуливал Дюк, не сводя глаз с пловцов, а Дениз вздыхал, ругая себя за то, что до сих пор не научился плавать.

Заметив неладное, к воде подошли плотник с матросом. Уже трое юных друзей брахтались в воде, очень медленно продвигаясь к берегу.

— Брось то, что у тебя в руке! — крикнул матрос Леону.

— Не бросит, — убеждённо возразил Бронк. — Я знаю, что он спасает, готов поспорить на свои последние башмаки!

Плотник направился к воде, но матрос быстро остановил пожилого моряка, сам вошёл в воду и поплыл на помощь детям.

Оказавшись наконец на берегу, вымокшие ребята в измождении опустились на песок. Бледно выглядел Леон. Он лежал, тяжело дыша и прижимая к себе парусиновый свёрток. Дюк от радости принял облизывать ребят.

— Эй, а что это у него? — обратился матрос к Бронку.

— Он спас Библию, — одобряюще пояснил тот.

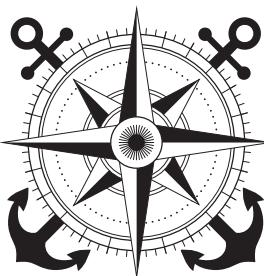
— Что? — изумился матрос. — Из-за книги он рисковал утонуть?

— Тебе не понять, — покачал головой плотник.

— А я уж решил, что он поплыл на поиски сухарей, — разочарованно протянул Дениз. — Оказывается, всего лишь за книгой.

К берегу уже спешили остальные во главе с капитаном и Гренфилдом.

Глава 15

Спасение

Следующие два дня Леон не выходил из шалаша и не выпускал из рук Библию. Он листал её, явно что-то искал в ней. На призывы ребят сходить в лес за добычей пищи он не отзывался. Поймать рыбу новоиспечённым островитянам удавалось всё реже. Голодные, одни бродили среди зарослей в поисках хоть чего-нибудь съедобного вроде корешков, стеблей каких-то тростников, нетвёрдой коры деревьев. Другие безучастно сидели или лежали в своих укрытиях. Люди с трепетом прислушивались к глухому подземному рокоту близкого вулкана и, похоже было, многие уже потеряли всякую надежду и ожидали неминуемого конца.

Все с болью смотрели на «Климентин». Его кормовая часть почти полностью ушла под воду, а носовая половина ещё больше накренилась, готовая в любой момент опрокинуться. Потому никто больше не рисковал подобраться к

гибнущему судну. Да и что ещё можно было найти в почти затонувшем корабле!

Ребята пришли к Леону позвать его на рыбалку. Он был сильно взволнован, глаза его горели. Не слушая друзей, мальчик предложил им помолиться о спасении.

— Я постоянно молюсь, — сказал Леон. — Но надо обязательно и вместе молиться! Становитесь на колени, если верите, что спастись можно и что есть Бог, Который может помочь нам!

Эти слова прозвучали столь решительно и убедительно, что Дей, а за ним и Делия послушно опустились на колени. Дениз остался стоять, с изумлением наблюдая за происходившим.

— Если вы спросите у других, кто нам может помочь здесь, то услышите в ответ: «Никто», — начал Леон. — Но это неправда!

Мальчик раскрыл Библию в том месте, где лежала закладка — небольшой зелёный листик. Под явно ощутимый гул, раздававшийся под землёй, он прочёл слова Священного Писания:

— «Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах, посему не убоимся, хотя бы поколебалась земля и горы двинулись в сердце морей», — Леон взглянул на друзей и предложил: — Давайте молиться, чтобы Бог спас нас!

Заметив некоторое сомнение в глазах Дея и Делии и удивлённое лицо Дениза, Леон тихо произнёс:

— Я почему-то верю, что Бог и правда поможет нам. А вы?

Дениз стоял молча. Дея с Делией лишь смиренно опустили головы, тоже не проронив ни слова.

— Нам нужно поверить! — продолжал Леон, раскрыв Библию в том месте, где была вторая закладка. — Иисус сказал: «И всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите».

Потом Леон произнёс горячую молитву с просьбой к Господу о спасении всех, попавших в беду на этом острове.

Он напомнил Богу о Его обещании помочь в ответ на молитву с верою.

Остаток дня Леон провёл, обходя шалashi и навесы. Он просил моряков не отчаиваться, но молиться Богу о спасении от гибели на этом острове, зачитывал им те же слова из Библии. Дей и Делия сопровождали Леона, а он молился вместе со всеми желающими. Одни слушали юнгу безучастно, с отрешённым взглядом, другие начинали шевелить губами, тихо молясь. У некоторых слушателей появлялись в глазах искорки надежды...

Минула ночь, такая же тревожная, как и предыдущие.

Ближе к обеду следующего дня в лагере вдруг послышались радостные возгласы: «Корабль! Корабль!»

Не веря ушам своим, все поспешили на берег, — у кого ещё были силы, бежал, а ослабевшие от голода ползли по песку. У дальнего мыса виднелся крохотный корабль.

Моряки начали машать руками, крича: «Сюда! Мы здесь!» Кто-то подбросил в костёр зелёных ветвей, и клубящийся голубой дым, взмывая вверх, стал сигналом для корабля...

Вскоре потерпевших кораблекрушение перевезли на двух шлюпках на лежавший в дрейфе поодаль от берега парусник. Там всех разместили, где смогли, и судно под всеми парусами двинулось прочь от острова с дымившимся вулканом. Наконец останки парохода скрылись из глаз.

Капитана «Климентина» вместе с его сыном, Гренфилда с дочерью и двух юнг разместили в большой капитанской каюте. Оказалось, что судно следует в порт, путь в который лежал мимо Дилигана.

На вторые сутки четверо юных друзей, едва стоявшие на ногах от истощения и усталости, пришли наконец в себя и немного освоились. Они рассказали капитану, который спас их, об «Обществе корабельных тайн» и, пользуясь случаем, спросили, есть ли какие-нибудь тайны у его корабля. Капи-

тан удивился и попросил рассказать о тайнах «Климентина», которые удалось раскрыть членам общества.

Ребята наперебой поведали об их приключениях, а в конце рассказа Леон добавил:

— Есть и последняя тайна, которую нам пока не удалось раскрыть. Почему хранитель нашего парохода, святой Климентин, не помог нам и не уберёг корабль от гибели?

Выслушав ребят, капитан задумчиво покачал головой:

— Что ж, в таком случае у меня для вас есть ещё одна тайна. Она касается того, что случилось со мной на этом корабле два дня назад. Мы шли своим курсом, и вдруг я заметил вдали островок. Он лежал в стороне от нашего пути. Я отвернулся от него, но неожиданно что-то побудило меня приблизиться к острову и посмотреть, что там. Просто так, ни с того ни с сего! Я вовсе не собирался туда. Но всё же почему-то завернул к острову. И что же? Я заметил дымок вашего костра и останки «Климентина». Вот она, тайна!

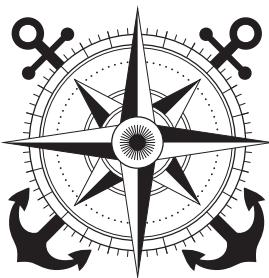
Леон улыбнулся:

— А мы знаем, как разгадать вашу тайну.

— Ну-ка! — заинтересовался капитан.

— Бог ответил на наши молитвы о спасении от гибели на этом острове. Ведь Он обещал в Своей Книге помочь тем, кто верит в Него, — тут Леон указал рукой на Библию, которая лежала у него на постели. — Это Бог побудил вас завернуть к острову!

ЭПИЛОГ

Корабль, спасший потерпевших кораблекрушение, встал на якорь на рейде Дилигана. Команду «Климентина» перевезли на шлюпках на берег. Здесь их встретили портовые власти, таможня, пограничники. А двое местных мальчишек, заприметив знакомых им Леона и Дея, побежали предупредить их родителей о возвращении ребят.

Прощаясь после завершения портовых формальностей, спасённые моряки благодарно похлопывали Леона по плечу.

— Твоими молитвами мы здесь, — говорили ему корабельщики «Климентина».

Крепко жали руки юнгам штурман, механик, плотник и капитан с Гренфилдом. Боцман гулко похлопал ребят по спине и произнёс, как обычно: «Не ожидал от мальков!» А потом он неожиданно грубо, по-медвежьи, обнял Леона. Затем Финбар погладил свой выдающийся нос и лукаво подмигнул ребятам:

— Приходите ко мне помощниками на новый корабль.

Это происходило на том же причале, с которого Леон и Дей проникли тайком на «Св. Климентин».

Делия, прощаясь, неожиданно поцеловала Дея в щёку. Парень сразу зарделся. А Леону она протянула клочок бумаги и смущённо пролепетала:

— Мой адрес. Напиши мне, если захочешь.

Дениз долго тряс руки двум своим друзьям. Потом он указал на свёрток с Библией под мышкой у Леона и, сконфузившись, спросил:

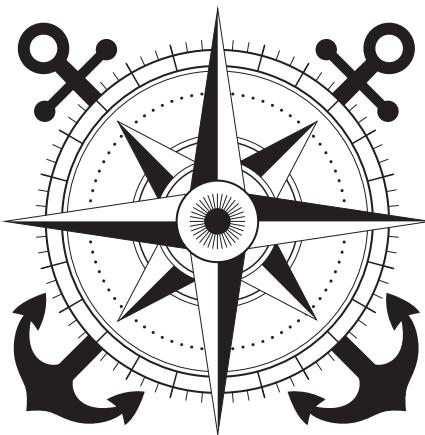
— А что, Леонка, и правда в ней можно узнать, как спасаться?

— Правда, Денизка.

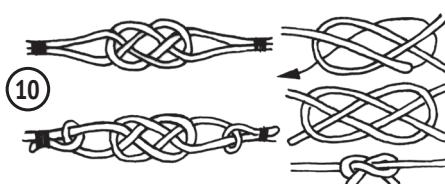
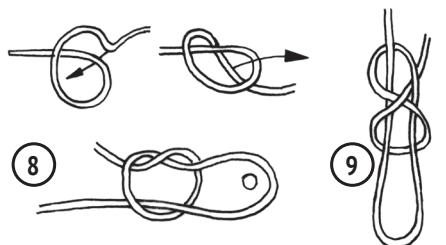
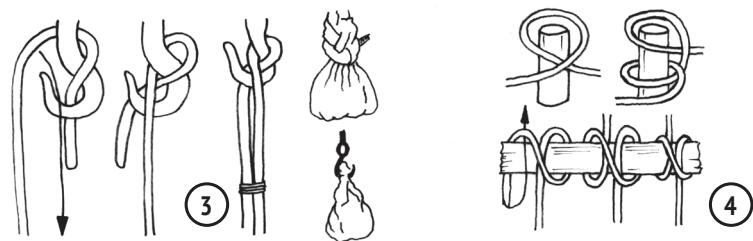
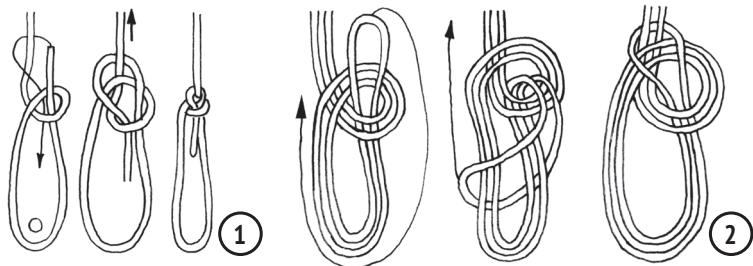
С этими словами Леон неожиданно протянул свёрток другу:

— Держи. Пусть Библия теперь будет с тобой!

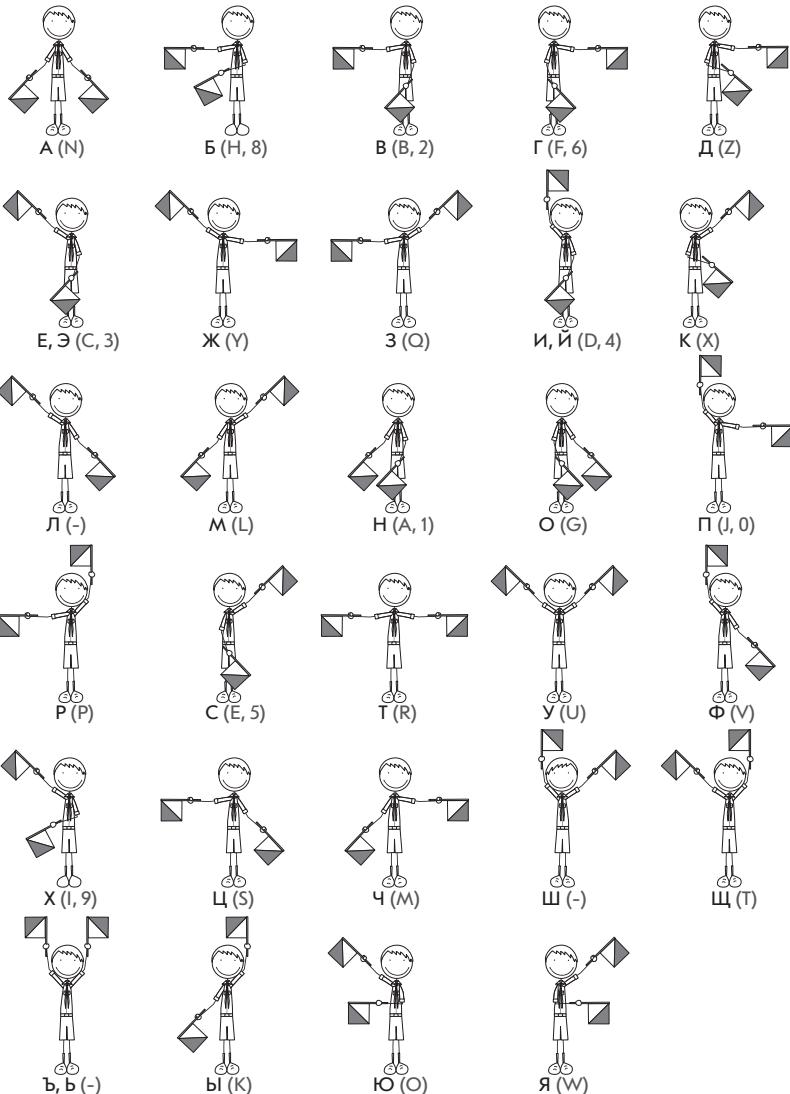
**СПРАВОЧНИК
ЮНОГО
МОРЕПЛАВАТЕЛЯ**

МОРСКИЕ УЗЛЫ

1. Беседочный
2. Двойной беседочный
3. Гачный
4. Выбленочный
5. Бочечный
6. Простой полуштык
7. Самозатягивающийся
8. Бегущий простой узел
9. Скользящая восьмёрка
10. Плоский

СЕМАФОРНАЯ АЗБУКА

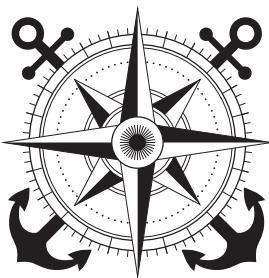

ФЛАГИ

МЕЖДУНАРОДНОГО СВОДА СИГНАЛОВ

A		У меня спущен водолаз, держитесь в стороне от меня и следуйте малым ходом. Алфа	N		Отрицательный НЕТ Новэмбр
B		Я гружу, или выгружаю, или имею на борту опасный груз. Браво	O		Человек за бортом Оска
C		Утвердительный ДА Чарли	P		Все должны быть на борту, так как судно скоро снимается. Папа
D		Держитесь в стороне от меня, я управляюсь с трудом. Делта	Q		Моё судно не заражённое, прошу предоставить мне свободную практику. Кэбэк
E		Я изменяю свой курс вправо. Эко	R		Самостоятельного значения не имеет. Роумио
F		Я не управляюсь, держите связь со мной. Фокстрот	S		Мои машины работают на задний ход. Сиэра
G		Мне нужен лоцман. Голф	T		Держитесь в стороне от меня, я произвожу парное траление. Тангоу
H		У меня есть на борту лоцман. Хотел	U		Вы идёте к опасности. Юниформ
I		Я изменяю курс влево. Индия	V		Мне требуется помощь. Викта
J		У меня пожар, и я имею на борту опасный груз, держитесь в стороне от меня. Джулиет	W		Мне требуется медицинская помощь. Уиски
K		Я хочу установить связь с вами. Кило	X		Приостановите выполнение ваших намерений и наблюдайте за моими сигналами. Экспрэй
L		Остановите немедленно своё судно. Лима	Y		Меня дрейфует на якоре. Янки
M		Моё судно остановлено и не имеет хода относительно воды. Майк	Z		Мне требуется буксирующее судно. Зулу

Белый Синий Красный Жёлтый Чёрный

Правила поведения на судне

На судах запрещается:

- Подниматься на судно и сходить с него иначе, чем по предназначенным для этого трапам, спускаться за борт и прыгать на стоящие рядом суда.*
- Подниматься без надобности на мачты, надстройки, стрелы и выступающие за борт устройства.*
- Садиться на предметы, не предназначенные для этого.*
- Включать и выключать механизмы, приборы и устройства без специального разрешения.*

- Купаться за бортом или спирать бельё с борта, трапа и шлюпки.
- Просушивать вещи в не предназначенных для этого местах.
- Игратъ в азартные игры, приносить и употреблять спиртные напитки.
- Перевозить без разрешения капитана посторонних лиц, их груз и багаж.
- Открывать иллюминаторы на ходу или в ночное время на стоянке.
- Принимать какой-либо груз без разрешения вахтенного помощника капитана.
- Выбрасывать за борт мусор, пищевые отходы, откачивать за борт нефтепродукты.
- Отвлекать неслужебными разговорами вахтенных.
- Держать на судне огнестрельное оружие и боеприпасы к нему.
- Хранить в жилых помещениях взрывчатые, легковоспламеняющиеся, ядовитые и пожароопасные вещества.
- Пользоваться нештатными электроприборами.
- Закрывать каюты на замок, если иллюминаторы в них не задраены.

**Игорь Чесноков
Корабельные тайны**

Ответственный редактор *Становкина М.*
Художник *Степаненко О.*
Дизайн и верстка *Сибир С.*
Корректоры *Лукьянова Н., Мелешкина В.*

Подписано в печать 07.07.2020.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Casper 11 pt. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 4,26. Тираж 25 000 экз. Изд. № Д-0173. Заказ № 5806

Издательство «Джерело життя»
04071, г. Киев, ул. Лукьянинская, 9/10-А,
тел. (044) 425-69-06
lifesource.ua, bookson.com.ua